PG 3337
.M42 A6
1836
Copy 1

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

Блаженство наша цѣль; когда мы къ ней при-
демъ —
Намъ Провидѣніе сей тайны не открыло.
Но рано-ль, поздно-ли, мы радостно вздохнемъ:
Надеждой невотще насъ Небо одарило. —

22го Августа 1836.

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. МЕЙСНЕРА.

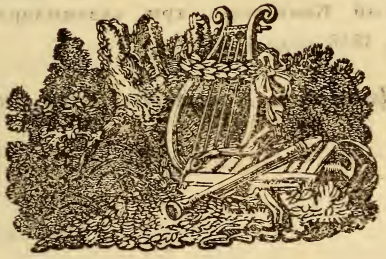
1836.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ΣΤΗΧΟΤΗΟΤΕΛΕΙΑΣ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Алексѣя Мейснера.



МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СЕМЕНА.

1836.

PG3337
.M42A6
1836

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, 18 Апрѣля, 1836 года.

Цензоръ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

РАЗГОВОРЪ ПОЭТА СЪ МУЗОЮ.

Поэтъ.

Куда, кочующая Муза?
Иль надоѣлъ тебѣ поэтъ? —
Иль ищешъ новаго союза
Твой обольстительный привѣтъ?

Муза.

Прости! пойду взглянуть на свѣтъ:
Мнѣ скученъ кровъ уединенный,

VI

Безвѣстность грустная тяжка;
Я не хочу глядѣть смиренно
На кругъ людей издалека;
Отправлюсь къ нимъ—на судъ представить
Нашъ перелетный, вольный прудъ:
Мнѣ справедливость отдадутъ,
И я могу тебя прославить —
И звуки лиры не умрутъ!

Поэтъ.

Что въ этой славѣ! — гулъ ничтожной
И чадъ губительный она;
Какой-то жаждою тревожной
Наклонность къ ней отравлена.
Притомъ-же, кто тебѣ порукой,
Что удостоюсь я похвалъ? —
Ахъ, можетъ быть, лишь новой мукой
Дольютъ мой жизненный фіалъ! —
И, можетъ быть, пора наступитъ
Желать къ безвѣстности подъ кровъ,

Когда ничто ужь не искупитъ
Ея отверженныхъ даровъ.

Муза.

Пустое, робкое сомнѣнье,
Оно мнѣ странно и смѣшно!
Въ хвалахъ, въ укорахъ — все равно,
Найдемъ конечное рѣшенье,
Чѣмъ заниматься намъ впередъ:
Сбирать-ли снова вдохновенье
Съ земныхъ раскиданныхъ красотъ,
Иль промѣнять намъ даръ нашъ бѣдный,
Далекій истинныхъ заслугъ,
На безполезный, но не вредный,
Труда не знающій досугъ.

Поэтъ.

Вотъ это такъ! — Иди-же смѣло,
Подруга дѣвственныхъ ушѣхъ!
Да увѣнчаетъ наше дѣло
Тобой желаемый успѣхъ.

VIII

Парнасскій богъ! ея измѣну,
Не покаравъ, благослови,
Чтобъ встрѣтилъ свѣтъ мою Камену
Съ привѣтомъ ласки и любви.

Durch Feld und Wald zu schweifen,
Mein Liedchen wegzupfeifen,
So geht's von Ort zu Ort!
Und nach dem Takte reget,
Und nach dem Maaß beweget
Sich alles an mir fort.

Goethe.

ПРОБУЖДЕНІЕ МУЗЫ.

Долго тягостныя узы
Лѣни сонной и нѣмой
Бременили нравъ живой
Вдохновительницы Музы;
Но проснулася она
Отъ губительнаго сна,
И спѣшитъ забытой лирой
Холодъ сердца разогрѣть,
Въ долѣ тихой, въ долѣ спрой
Гармонически пропѣть.....
Напрягайтесь, легки струны,
И звучите серебромъ!
То, какъ бури или громъ
И разящіе перуны;

То, какъ шепотъ вѣтерка
Съ кипарисными кустами
Или свѣтлая рѣка
Голосистыми волнами!
Вотъ, возвышенъ, смѣлъ и гордъ,
Первый взятъ уже аккордъ! —
Вотъ за звукомъ льются звуки
Вдохновенной чередой,
Полны радости младой,
Томныхъ чувствъ любовной муки,
Думъ, восторговъ и страстей!....

Такъ, въ тѣни между вѣтвей,
Послѣ зимняго молчанья,
Громко свищетъ соловей,
Посреди благоуханья
И отрадной тишины,
Возвратившейся весны.

Верея 1835.

КУДРИ.

Вы льетеся, кудри, какъ волны,
На плечи, стыдящія снѣгъ;
Вы спелетесь, роскоши полны,
По персямъ, рожденнымъ для нѣгъ.
О, кто-то васъ, кудри, впервые
Мужскою рукой разберетъ? —
О, кто-то къ вамъ, кудри златые,
Съ любовію первый прильнетъ?
Съумѣетъ-ли этотъ счастливый
Васъ нѣжно и страстно цѣнить?
Съумѣетъ-ли ваши разливы
Онъ съ пламенной жаждою пить?...

Достаньтесь вы, кудри, поэту,
Отдайтесь ему, хоть на мигъ,
Чтобъ онъ на амврозію эту —
На шелкъ вашъ устами приникъ.
Онъ выпьетъ изъ васъ вдохновенье —
И вамъ-же его посвятитъ;
Далеко его пѣснопѣнье
О вашей красѣ прозвучитъ.
Васъ тлѣніе легче коснется
Свинцовою дланью своей,
И вѣчность сама отзовется
Со славой о шелкѣ кудрей!

Москва 1835.

ГОРСКАЯ ПѢСНЯ.

Надъ бездною вьется излучистый путь,
Тамъ жизнь подъ угрозой кончины;
Дорогу опасную плотно замкнуть—
Стѣснились отвсюду стремины,
И, если нехочешь отторгнуть обвала,
Иди, чтобъ нога за ногой чуть ступала.

Отъ края до края, высокой дугой,
Надъ пропастью мостъ наклонился;
Онъ строенъ не смертнаго слабой рукой,
Ни кто-бы на то не рѣшился:
Подъ нимъ безпрестанно клокочетъ вода,
Бьетъ въ верхъ, но его не собьетъ никогда.

Тамъ черныя видны во мракѣ врата,
Гдѣ геніи тмы поселились;
Тамъ райскія взоръ восхищаютъ мѣста,
Гдѣ осень съ весной съединились;
Отъ жизни печальной туда-бы ушёлъ —
Летѣлъ-бы я въ тотъ восхитительный долъ.

Четыре потока низверглися вдругъ,
Родникъ ихъ — родникъ потаенной;
Они устремились на Западъ, на Югъ,
На Утро, на Полночь вселенной,
И мчатся, покинувъ родную утробу,
Всѣ порознь, питая какъ будто-бы злобу.

Два острые камня, войдя въ небовысь,
Надменно стоятъ надъ землёю,
Надъ ними злащенныя тучи свились,
И пляшутъ широкой грядою —
Небесныя дщери сошлись въ хороводъ
На грудь недоступныхъ земному высотъ.

Царица въ вѣнцѣ, и горда и свѣтла,
Сидитъ на нетлѣнномъ престолѣ,
Чело свѣтозарно она убрала
Алмазомъ и перломъ, по волѣ;
Ласкаетъ и солнце ее съ высоты,
Но только златитъ, не даря теплоты!

Пятигорскъ 1835.

ВИДЪ СЪ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ КОЛОННЫ.

Стоитъ колонна-великанъ,
А я стою на великанѣ;
Передо мною, будто планъ,
Столица въ газовомъ туманѣ.
Я вижу Невскій монастырь,
Дорогу къ Выборгу и Смольный,
Залива зеркальную ширь
И бѣгъ судовъ надъ нею вольный.
Въ низу шумитъ, кипитъ народъ,
Но, какъ пигмеи, люди мелки,
И всѣ предметы ихъ заботъ
Въ моихъ глазахъ теперь бездѣлки!

Противна мнѣ ихъ бѣготня,
Ихъ попечительность пустая,
И нестерпима для меня
Вся эта суетность земная.
Какъ несравненно лучше быть,
Въ дали отъ ней, въ краю высокомъ,
И съ верху гордо поводить
Воспламененнымъ, свѣтлымъ окомъ.

С. Петербургъ 1833.

СОВѢТЪ.

Дай мнѣ совѣтъ, на жизненной пустынѣ,
Куда клонишь невѣрный, темный путь ?
Чего искать? — колеблются понынѣ
Мой шаткій умъ и трепетная грудь:
Онъ, какъ во снѣ, мечтаетъ все о славѣ,
Ей, какъ въ бреду, вездѣ любовь нужна ,
И жизнь кипитъ, какъ въ пламенной отравѣ,
Въ огнѣ страсшей горитъ моя весна.
Скажи, какой изъ всѣхъ дорогъ опасныхъ
Итти вѣрнѣй по степи бытія ?
Я разсуждалъ, но въ помыслахъ неясныхъ
Со всякимъ днемъ страшнѣй теряюсь я.

Ужъ ты минулъ распутье роковое,
Подъ шумомъ бурь ты пристани достигъ,
И ты живешь въ довольствѣ и покоѣ,
И хвалишь міръ, почтенный мой старикъ!

Такъ, въ двадцать лѣтъ, цзѣшущій и мятежный,
У старца я совѣта попросилъ,
Не знавъ, куда направить быстробѣжный
Порывъ ума и возмужалыхъ силъ.
Но, какъ не внявъ подробностямъ вопроса,
Старикъ темно и глухо отвѣчалъ;
Такой отвѣтъ даетъ пята ушёса,
Когда въ нее плеснется бурный валъ.
Вотъ всѣ слова короткаго совѣта,
Вотъ все, въ чемъ онъ меня предостерегъ:
«Прямымъ путемъ иди въ долинѣ свѣта
«И помни, сынъ, что есть надъ нами Богъ.»
Послушалъ я; дорогою прямою
Съ тѣхъ поръ иду, не мысля гдѣ конецъ;
Съ тѣхъ поръ всегда я помню: надо мною
Есть всеблагой, великій мой Творецъ.

Кто-жь объяснилъ совѣтъ мнѣ непоняшный?
Кто путь прямой мнѣ указалъ въ глуши?
Онъ, онъ одинъ — святой и благодатный —
Врожденый смыслъ чувствишельной души!

Пятигорскъ 1833.

МНИТЕЛЬНОЙ КРАСАВИЦѢ.

Въ спальнѣ тихой, полутемной,
Ты опять головкой томной,
Въ новосозданной тоскѣ,
Наклонилася къ рукѣ,
И сидишь, на утрѣ жизни,
Какъ увянувшій старикъ,
Съ сердцемъ полнымъ укоризны,
Предъ кончиною за мигъ.

Не твори себѣ несчастій
Этой мнительной мечтой;
Подчиняй разсудка власти
Предразсудковъ толкъ пустой:

Безъ напрасныхъ огорченій
Въ жизни много зла и бѣдъ,
И среди ея волненій
Рѣдокъ счастія привѣтъ!

Веселися, другъ прекрасный,
Въ день безоблачный и ясный —
Для чувствительной груди
Дни ненастья впереди.
Но, когда мольбы поэта
Достигаютъ до небесъ,
Надъ тобой и въ поздни лѣта
Не затмитъ восторговъ свѣта
Тучь печальныхъ занавѣсъ.

Берея 1835.

ОЖИДАНІЕ.

Вотъ скрыпнули дверцы... Быть можетъ, *она*
Идетъ на свиданье, любови полна.
Съ какою горячностью встрѣчу *ее*,
Какъ вспыхнетъ веселіемъ сердце мое!..
Но это не дѣва, а легкій зефиръ,
Летая, нарушилъ полуночи миръ.

Сплетитесь вершинами въ куполъ, березы,
И выстройте нѣгою дышащій храмъ.
Падите со стеблей, душистыя розы,
И землю покройте подобно коврамъ,—
Чтобъ могъ я, на мѣстѣ давно *ей* знакомомъ,
Прекрасную встрѣтить нежданнымъ пріёмомъ.

Кто тамъ, въ отдаленьи, сквозь сумракъ древесъ,
На мигъ показался и снова исчезъ?
Не дѣвы-ли это атласный покровъ,
Блестящій и бѣлый, какъ лоно снѣговъ?...
Нѣтъ, это не онъ!—это мѣсячный лучъ
Скользнулъ по деревьямъ, мелькнувъ изъ-за тучь.

Свѣти постояннѣй, ночное свѣтило!
Страшись и на мигъ въ облакахъ потонуть!
Будь горней свѣчею для дѣвы мнѣ милой,
И золотомъ сыпься на сумрачный путь,
Чтобъ, къ другу спѣша потаенной дорожкой,
Она не споткнулася маленькой ножкой.

Мнѣ слышится шорохъ на скатѣ береговъ,
Не робкій-ли шелестъ дѣвичьихъ шаговъ?
Быть можетъ, мечтаетъ любви херувимъ,
Меня испугать появленьемъ своимъ!...
Нѣтъ! внятно я слышу — ночная струя
Цѣлуетъ, ласкаяся, берегъ ручья.

Сбери, вѣтерокъ, ароматы растеній
Съ луговъ заповѣдныхъ, съ цвѣтущихъ полей,
И, тайно снеся ихъ въ условныя тѣни,
На мѣстѣ свиданія тихо разлей,
Чтобъ дѣва, усталая въ радостномъ бѣгѣ,
Могла отдохнуть въ упоительной нѣгѣ.

Чей голосъ такъ сладко въ дали прозвучалъ?—
Не друга-ли голосъ меня призывалъ?
Могла заблудиться отрада моя—
Цвѣтокъ наслажденій, звѣзда бытія!...
Нѣтъ! это въ просонкахъ пѣвецъ-соловей
Вдругъ свиснувъ, замолкнулъ подъ сѣнью вѣтвей.

О, ночь! распусти по усталому свѣту
Всѣхъ геніевъ сна изъ неволи дневной,
И землю — тревожную нашу планету —
До утра въ покровѣ своемъ успокой:
Любовь любопытнаго глаза не любитъ,
Лишъ мракъ одинокій страсть эту голубитъ.

Такъ юноша пламенный нѣжно мечталъ,
И милую сердца избранницу ждалъ;
Но, легкимъ видѣньемъ, одѣяна въ тму,
Незримо она поднеслася къ нему,
И, прежде, чѣмъ дѣву замѣтишь онъ могъ,
Его поцѣлуй ошъ мечтанья ошвлекъ.

Москва 1836.

БОГЪ.

Начавшійся... прежде начатія вѣчности мрачной,
Въ томъ мѣстѣ, въ то время... гдѣ мѣста и времени быть не могло!
Живущій въ пространствѣ, которое Самъ и объемлетъ,
Которому нѣтъ ни началъ, ни среды, ни концевъ —
Онъ держитъ въ десницѣ всю тяжесть міровъ неизсчетныхъ,
И сонмы міровъ передъ Нимъ незамѣтный, ничтожный атомъ!
Онъ создалъ ихъ словомъ, и словомъ ихъ можетъ разрушить:
Тебѣ-ли постигнуть Его, безразсудный слѣпецъ—человѣкъ!

С. Петербургъ 1833

ЭЛЬБОРУСЪ.

Своей отчизны сынъ любимой,
Накрытый куполомъ небесъ,
Онъ облеченъ не въ злакъ и лѣсъ,
Но ледяною діадимой;
На вѣковыхъ его главахъ
Грядой лежатъ не пыль и прахъ:
Вокругъ чела увилъ могучій
Съ громами, съ молніями тучи!
И въ семъ убранствѣ исполинъ
Стоитъ, какъ царь, между горами,
И позлащается одинъ
Восхода первыми лучами!

Пятигорскъ 1835.

АДЕЛЬ.

Вчера увидѣлъ я Адель —
Моихъ желаній верхъ и цѣль:
Чиста, свѣтла ея краса,
Какъ на Востокѣ небеса;
Ея очей летучій взоръ,
Какъ свѣтозарный метеоръ;
Зубовъ прикрытый полукругъ —
Въ пунцовомъ ларчикѣ жемчугъ!

Багрянецъ устъ ея живой
Пышнѣе розы молодой;

Онъ алъ, какъ лѣшомъ спѣлый плодъ
И солнца радужный восходъ!
Какая сладкая мечта
Поцѣловать сіи уста !...
Я весь горю, я весь киплю
И, можетъ быть, уже люблю !...

Власы, какъ полночь безъ луны,
Ланиты снѣжной бѣлизны ;
Но этотъ пухъ, но этотъ снѣгъ
Нѣжнѣе всѣхъ возможныхъ нѣгъ !
При немъ стыдились-бы моря
Одежды пѣнистой своей, —
При немъ стыдилась-бы заря
Своихъ пурпуровыхъ огней !

Двѣ ножки, чудо красоты ,
Неимовѣрной быстроты ;

Онѣ проворнѣй мотылька,
Онѣ воздушнѣй вѣшерка!
Приманка юношескихъ вѣждъ,
Предметъ фантазій и надеждъ —
Онѣ мелькнутъ, онѣ летятъ,
Лишъ догоняй влюбленный взлядъ!

Прекрасной дѣвы легкій станъ. . .
Но что въ сравненье призову? —
Онъ на соперничество данъ
Въ красѣ нетлѣнной естеству!
Его обнять, его держать,
Его къ груди своей прижать —
Вотъ наслажденья высшій край!
Вотъ на землѣ волшебный рай!

Грудей роскошные холмы
Бѣлѣе Сѣверной зимы,

И, можетъ быть, они хранятъ
Огня любви завѣтный кладъ!
На нихъ взглянутъ, на нихъ смотрѣтъ,
Склониться къ нимъ и умерешь —
Вотъ жажда пламенныхъ сердецъ!
Вотъ поэтическій конецъ!

С. Петербургъ 1833.

ПРИТЧА КОНФУЦІЯ.

Пространство составили три протяженья:
Длина, широта, глубина;
Но нѣтъ протяженіямъ тѣмъ измѣренья,
Ихъ мѣрой — безмѣрность одна!
Длина простирается въ даль безпрерывно
Все болѣ и болѣ впередъ;
Ни кто до конца этой линіи дивной
И мыслью самой не дойдетъ.
Вездѣ широта безъ границъ разлилася,
По всѣмъ четыремъ сторонамъ;
Съ безбрежностью міра она обнялася
Въ дали недоступной умамъ.
Глубоко, въ безмѣрныя темныя бездны,
Ступила пятой глубина;

Высоко, за радужный куполъ надзвѣздный,
Челомъ поднялася она.
Тебѣ, человѣкъ, въ указанье блаженства
Богами онѣ созданы:
Стремись, достигая въ добрѣ совершенства,
Все въ даль, по примѣру длины;
Желаешь извѣдать законы вселенной —
Умомъ широтѣ подражай;
Въ тиши, наблюденьемъ природы священной,
Познанья свои разширяй;
Существенность жизни тебя занимаетъ —
Возми въ образецъ глубину;
Пусть умъ твой отвсюду нашъ бытъ озираетъ,
Въ него углубится ко дну.
Но помни, что съ твердостью только упорной
Дойдешь ты къ желанной мѣтѣ,
Что истина кроется въ пропасти черной,
Что ясность живетъ въ полнотѣ.

Пятигорскъ 1833.

ЖИЗНЬ.

Что жизнь? — золой сухихъ расшеній
Кругомъ усыпанная степь,
Да изъ желѣзныхъ огорченій
Судьбой окованная цѣпь.
Въ степи сей, дикой и безплодной,
Въ полвѣка разъ, въ травѣ негодной,
Цвѣтокъ случайный разцвѣтетъ;
А между звѣньевъ цѣпи этой
Въ сороковое развѣ лѣто
Звѣно златое попадетъ.
И что-жь? — всѣ люди молятъ Бога,
Чтобы степная ихъ дорога
Въ туманной кончилась дали,
И чтобы тягостныя звѣнья

Они до лѣтъ изнеможенья,
Хотя-бъ сѣня, носить могли!
Такой таинственной загадки
Не суждено мнѣ разгадать;
Но самъ готовъ я безъ оглядки
Со свѣта грѣшнаго бѣжать.

Весна 1835.

СТЕПЬ.

Я безконечно вижу вправо,
Назадъ и влѣво и впередъ;
Мой взоръ надъ степью величаво
Свершаетъ вольный свой полетъ.
Ничто его не замедляетъ,
Ни токъ воды, ни холмъ, ни лѣсъ;
Онъ сладострастно обнимаетъ
Всю ширь земли, всю даль небесъ!...
Одинъ въ безбрежномъ океанѣ
Обворожительной глуши
Я предвкусилъ уже заранѣ
Свободу сладкую души,

Когда тѣлесныя оковы,
Въ страданьи долгомъ, износивъ,
Перелетитъ она въ міръ новый,
Внявъ Бога вѣчнаго призывъ.

Пятигорскъ 1833.

ДРУЖБА.

О, гдѣ вы, минувшіе годы! о, годы прекрасные, гдѣ вы,
Когда расточительно счастье на путь мой бросало цвѣты?
Когда со щедротою мнѣ воздавались всѣ въ жизни посѣвы,
О, время златое! гдѣ ты? —
Смѣнилъ невозвратную младость шотъ возрастъ печальный, суровый,
Который мечты разрушаетъ, живые восторги мертвитъ,
Въ которомъ намъ всѣ впечатлѣнья не новы,
И холодно смертный на все подъ луною глядитъ.

Желанья, надежды, стремленіе къ почестямъ, къ славѣ,
И вы — сочетанье святое душъ пламенныхъ, чистыхъ — любовь!
Довѣрчивость къ людямъ, безпечность веселая въ нравѣ —
Все скрылось, какъ свѣтлое солнце за черной грядой облаковъ.
Но тучи исчезнутъ, и снова проглянетъ
Свѣтила дневнаго живительный свѣтъ;
А прошлая младость — не ждите! нѣтъ, снова она не настанетъ,
Ничто не разсѣетъ надъ ней тяготѣющихъ лѣтъ!
Навѣчно, на крыліяхъ быстрыхъ, она унесла все, чѣмъ прежде
Любилъ занимать я неопытный умъ;
Обманутый часто, я вѣрить не смѣю надеждѣ
И сонму отрадныхъ съ надеждой сочетанныхъ думъ.
Но въ мірѣ одно, и понынѣ, я чтить не пересталъ драгоцѣннымъ,

Во все продолженіе жизни одно я на свѣтѣ нашёлъ
Незыблемымъ, прочнымъ, всегда неизмѣннымъ,
И это—въ чувствительномъ сердцѣ воздвигнутый дружбѣ престолъ!
Предъ нимъ, умиленный, нерѣдко молюся я Богу,
При немъ обрѣтаетъ отраду печальная мрачность моя,
Другъ руку подаетъ мнѣ—и тверже, смѣлѣй я свершаю дорогу,
По терніямъ колкимъ, въ безплодныхъ степяхъ бытія.

Балта 1330.

ВОСПОМИНАНІЕ О ЧЕРНОМЪ МОРѢ.

На берегу стенящаго Эвксина
Въ раздуміи глубокомъ я стоялъ:
За валомъ въ слѣдъ катился ярый валъ,
И вторила плесканію стремнина.

Волшебный звукъ! прекрасная картина!
Съ тѣхъ поръ близъ васъ я томно не мечталъ:
Далеко прочь мой рокъ меня умчалъ;
Но рѣдкій день проходитъ безъ помина.

Когда-же вновь натѣшится мой взглядъ,
Слѣдя, въ грозу, бунтующій раскатъ
Водяныхъ горъ на зыбкомъ ихъ просторѣ? —

Когда-же вновь плѣнительный ихъ шумъ,
Чаруя слухъ, навѣетъ мнѣ рой думъ —
Глубокихъ думъ, какъ ты, сѣдое море?....

Москва 1835.

МАДАРДСКІЕ ОРЛЫ.

По обваламъ земли,
Сквозь кустарникъ и лѣсъ,
Между камней, въ пыли
Я доползъ, я долѣзъ
До вершины,
Подошедшей подъ куполъ небесъ,
Недоступной дотолѣ стремнины ;
И у ней на главѣ,
Въ свѣтозарной высотѣ синевѣ,
Я предсталъ — житель дольныхъ краёвъ —
Неожиданнымъ дивомъ,
Поколѣнію горныхъ орловъ.

Надъ висящимъ обрывомъ,
Дѣти солнца и грозъ
Заселили ущёсъ,
И, отъ вѣка,
Не встрѣчали на немъ,
Ни въ полуночь, ни днемъ,
Ненавистнаго имъ человѣка.
Я нарушилъ ихъ миръ:
Съ крыльевъ мощныхъ повѣялъ Зефиръ —
Поднялись властелины свободы,
И надменно несетъ
Богатырскій полетъ
Ихъ все выше — въ небесные своды!..

Я въ срединѣ стою на скалѣ:
Рой людей подо мной на землѣ
Чуть замѣтенъ въ тревогѣ привычной;
А въ верху, какъ морскіе валы,
Шумнымъ стадомъ кружатся орлы
На эфирной степи безграничной!....
Посмотрю-ль я на долъ? —
Далеко отошёлъ

Я и духомъ и шѣломъ отъ дола;
Я одинъ возмутилъ
Въ горныхъ гнѣздахъ орловъ,
Я одинъ наступилъ
На чело облаковъ,
Я одинъ поднялся до престола
Перекатныхъ громовъ!
Чѣмъ ушѣшу я взоръ,
Преклоня его съ горъ
На шуманную, жалкую землю?
Въ высотахъ одинокъ
Отъ людей я далекъ —
Ихъ не вижу, ихъ жалобъ не внемлю....
Не взгляну я на долъ —
На страну суеты,
Уничтоженъ союзъ между нами;
Вознесясь, какъ орелъ,
Въ свѣтлый край высоты,
Я любуюся нынѣ орлами.
Несравненный полетъ!
Чуть махнувъ, разовьетъ
Царь пернатыхъ широкія крылья —

И надъ бездной виситъ,
И отважно глядитъ,
И несется впередъ безъ усилья!
Какъ ладья безъ вѣтрилъ,
Онъ медлительно плылъ —
Вдругъ въ дали голубицу замѣтилъ:
Улетай!... Но, увы!
Какъ стрѣла съ тетивы
Онъ за нею, догналъ или встрѣтилъ,
— Налетѣлъ, уловилъ,
Клёвъ могучій вонзилъ
И суровой,
Разсыпая, какъ будто сребро,
Бѣлый пухъ и перо,
Пьетъ онъ жадно токъ влаги багровой....
Не взгляну я на долъ!
На раскатахъ сихъ каменныхъ чёлъ,
Подъ разливомъ лазури,
На пустынномъ хребтѣ,
Гдѣ раждаются громы и бури —
Такъ легко въ высотѣ
Подышать проясненнымъ дыханьемъ,

Такъ отрадно глазамъ
Къ вѣковымъ небесамъ
Приставать съ ненасытнымъ лобзаньемъ!
То смотрю я на ихъ зеркала,
То въ полетѣ слѣжу я орла —
Птицу смерти, ушесовъ и неба;
Но зачѣмъ-же за ней
Къ лику Феба —
Въ это море лучей,
Обратилъ я — сынъ праха и ночи —
Непривычныя, слабыя очи?...
Все исчезнуло вдругъ;
Только сумракъ вокругъ!
Въ мигъ потупился взоръ ослѣпленной,
И, припавъ на ушесъ,
Я, вздохнувъ, произнесъ:
Во вселенной
Ты счастливѣй меня,
Другъ высотъ легкокрылой!
И могучъ, и свободенъ, и смѣлъ
Ты до неба взлетѣлъ,
И взираешь, съ отвагой и силой,

Въ эту бездну огня
На свѣтило
Имъ прекраснаго дня —
Ты счастливѣй, счастливѣй меня!...

Пятигорскъ 1833.

ВИДѢНІЕ.

Ошкуда и кто ты, видѣнье прекрасное?
Пришлецъ-ли ты съ неба иль житель земли?
Искуство-ли смертныхъ, могущество-ль Божіе
Въ одежду изъ радугъ тебя облекли?...
Смотрю, изумленный, нѣмѣю, смущаюся,
И вонъ уже, въ страхѣ, сокрыться готовъ;
Но что?.. ты взглянуло и взоромъ плѣнительнымъ,
Разсѣяло ужасъ — внушило любовь!
О! кто-бы ты ни было, геній-ли радости,
Духъ злобы-ли черный, иль смертный, какъ я,
Помедли! постой!... но увы, все исчезнуло,
Лишь вдругъ потемнѣла свѣтлица моя!...

Текучь 1830.

ЗАГАДКА.

Я въ каменномъ домѣ незримо живу
И сплю, не смущаемый грезой;
Тогда лишь и видятъ меня на-яву,
Когда я почую желѣзо.
Сначала чуть зримъ я, безсиленъ и малъ,
Дыханье твое мнѣ опасно;
Довольно дождинки — я въ мигъ и пропалъ,
Но въ сушѣ росту я ужасно:
Когда-же мой братъ съединится со мной,
Я страшенъ бываю вселенной самой.

Пятигорскъ 1833.

МОЕ СЕРЕБРЯНОЕ КОЛЬЦО.

« Носишь кольцо изъ серебра,
« Хотя-бы въ память Эльборуса !
« Въ немъ нѣтъ ни прока, ни добра —
« Въ тебѣ — ни совѣсти, ни вкуса.
« Носишь рублевое кольцо !
« Ну кто посмѣетъ, кто рѣшится ?
« Безстыдникъ! какъ твое лицо
« Огнемъ стыда не разгорится !
Такъ съ пошлой важностью своей,
Меня окинувъ быстрымъ глазомъ,
Сказалъ мнѣ моды корифей,
Сверкая съ ловкостью алмазомъ, —

Онъ не сказалъ, онъ важно рекъ,
Стыдя владѣтеля колечка:
Обидѣть можетъ человѣкъ,
Но нѣтъ обидъ отъ человѣчка.
Порою насъ ужалитъ шмель,
Порой комаръ иль муха злая;
Однако не для нихъ дуэль —
И брань ужь честь для негодяя.
Но я не тратилъ даже словъ,
Ему отвѣтъ мой былъ презрѣнье;
А вотъ сегодня я готовъ
Представить вкратцѣ объясненье.

Мое кольцо на свѣтѣ мнѣ
На призракъ счастія похоже,
И убѣдился я вполнѣ,
Что по всему оно дороже
Причуды глупаго жреца.

Вотъ вамъ исторія кольца:

Я былъ влюбленъ, и другъ мой, дѣва,
Была, какъ роза хороша;
Ея прекрасная душа
Не знала гордости и гнѣва;
Всего, что мы зовемъ—порокъ,
Вы не нашли-бы въ ней и тѣни;
Я побѣдить себя не могъ
И преклонилъ, молясь, колѣни....
Я былъ счастливъ. Она меня
Невиннымъ сердцемъ полюбила,
И жаръ любовнаго огня
Любовнымъ жаромъ утолила.
Но пламень страсти молодой
Мы сохранили отъ соблазна,
Пылалъ онъ, чистый и благой,
Какъ лучъ денницы золотой,
Какъ блески радуги алмазной:
Одну раждалъ онъ въ насъ мечту,
Одно безгрѣшное желанье,
Чтобъ удалить намъ разставанье
И вѣчно злую клевету.

Но въ мірѣ счастіе непрочно,
И время намъ люте́йшій врагъ;
Молись вседневно и всеночно —
Не дастъ Фортуна вѣчныхъ благъ!
Они являются намъ рѣдко
На морѣ жизненныхъ тревогъ;
Мы ловимъ ихъ невѣрной сѣткой
Доколѣ тихъ воды потокъ.
Но вдругъ застонетъ и завоетъ
И влагу свѣтлую изроетъ
Неукротимый ураганъ,
И снова радость исчезаетъ —
Нашъ ловъ минутный поглощаетъ
Временъ сердитый Океанъ.

Мнѣ съ дѣвой пробилъ часъ разлуки,
Часъ, ядомъ дышащей судьбы;
Мы простирали къ небу руки,
Молились — но не вняты звуки
Успокоительной мольбы.

Ненарушима воля рока,
Намъ хладный опытъ произнесъ,
И полилися два потока
Нѣмыхъ отчаянія слезъ.

Есть городъ древній и священный,
Надъ синею рѣкою тамъ,
Величественный Божій храмъ
Возноситъ куполъ позлащенный;
Красуясь, тополи растутъ;
Стѣной сплелись густыя ивы
И волны пѣнистыя рвутъ
Береговъ нависшіе обрывы....
Тамъ жили мы; тамъ такъ счастливы,
Такъ свѣтлы были наши дни!
И, лучезарные, все краше
Намъ становилися они!
Тамъ переполненною чашей
Мы пили сладостный восторгъ, —
Но грозный день разлуки нашей
Неистощенную исторгъ.

Въ тотъ грустный день, подъ сѣнью древа
На берегу рѣчномъ въ тиши,
Владычица моей души —
Со мной сидѣла ангелъ-дѣва;
И слезы падали на грудь
Безостановочной струею,
И все она смотрѣла въ путь
Мнѣ предназначенный съ зарею.
«Туда пойдешь ты, милый другъ. . . .
«Зачѣмъ-же сердце занываетъ?
«Зачѣмъ-же бой спокойный вдругъ
«Съ такою силой ускоряетъ?
«Нѣтъ! не въ болѣзненномъ бреду
«Оно такъ ноетъ и тоскуетъ,
«Оно пророчески бѣду
«Приуготовленную чуетъ.
«Туда пойдешь ты.... Боже мой!
«О, возврати его несчастной;
«Храни десницею святой
«Въ день битвы грозной и опасной;
«Враговъ удары отводи
«Отъ головы его безцѣнной,

«Оберегай въ младой груди
«Огонь любви благословенной!..»

«Прими-же, другъ, мое кольцо»—
И дѣва взоры преклонила;
Стыдливость ярко озарила
Ея прекрасное лицо.
—«Прими его; мнѣ надъ святыней,
«Во храмѣ отъ мощей оно
«Рукой родительской дано —
«Пускай-же, милый, на чужбинѣ
«Мнѣ сохранитъ оно тебя,
«И въ тихомъ снѣ и въ буряхъ битвы
«Напоминаніемъ молитвы,
«Чтобъ воротился ты любя.»

Умолкнула и опустилась
Ко мнѣ головкой на плечо.
Забилось сердце горячо,
Слеза изъ глазъ моихъ скатилась;

Кольцо завѣтное я взялъ,
И, къ милой дѣвѣ преклоненной,
Я долго, молча, цѣловалъ
Цвѣтокъ ланиты распаленной.
Смѣшалась влага нашихъ слёзъ,
Соединился жаръ дыханья
Межь наслажденья и страданья
Я черезъ силу произнесъ:
О! не страшись моей измѣны,
Моя любовь есть жизнь моя;
Въ ней быть не можетъ перемѣны
Безъ перемѣны бытія.
Ты сердце къ сердцу привязала
Неразрываемымъ узломъ;
Моя душа съ твоею стала
Въ цѣпи существъ однимъ звѣномъ.
Клянусь... но клятвы мнѣ излишни!
Свидѣтель — міра дивный храмъ,
Свидѣтель Онъ великій Самъ,
Повсюду сущій и всевышній,
Что безъ любви не льзя мнѣ жить,
Что и за хладною могилой —

Вездѣ я буду съ той-же силой
И такъ-же пламенно любить!

Сказавъ, снялъ перстень я любимый —
Подарокъ матери моей,
Всегда заботливо хранимый
На память сладкую о ней, —
Глубокой грустію волнуемъ,
Его слезами ом.чилъ,
И съ предпрощальнымъ поцѣлуемъ
Душѣ души моей вручилъ. . . . .

Увы! съ тѣхъ поръ прошло три лѣта
И три печальныя зимы;
Святынѣ нашего обѣта
Ни въ чемъ не измѣнили мы;
Съ заботой нѣжною хранили
Священный жаръ любви своей,
Надеждой сердце веселили
На близость радостнѣйшихъ дней;

Но для чего любовь и вѣрность?
Онѣ отъ рока не спасли,
И раздѣлила насъ безмѣрность
Пустынь отъ неба до земли.

На полѣ брани разъяренной,
Подъ градомъ пуль, среди мечей,
Среди безчисленныхъ смертей,
Молитвой друга осѣненной,
Я невредимо сохранёнъ.
Съ угрозою со всѣхъ сторонъ
Ко мнѣ опасность подступала,
Но въ гнѣвѣ бѣшеномъ своемъ
Безвредно люшая зіяла:
Гремѣлъ вокругъ военный громъ
Обильно жертвы собирая,
Кипѣла сѣча роковая,
И вотъ, нахлынула сама —
Всѣхъ за собою увлекая —
Неотразимая чума:
Вся тварь въ томъ краѣ содрогнулась,

Все пало мертвымъ; но, увы!
И шутъ длань смерти не коснулась
Моей несчастной головы.
А та, которую въ покоѣ
Берегъ отцовскій вѣрный кровъ,
И, какъ сокровище драгое,
Какъ благо лучшее земное,
Хранила матери любовь, —
Которой дни текли такъ мирно,
Вдали отъ бѣдъ, вдали отъ бурь,
Какъ неба свѣтлая лазурь
На высотѣ его эфирной —
Той нѣтъ!... Враждебный, люшый рокъ
Завистливымъ насъ видѣлъ окомъ,
И сорванъ радостный цвѣтокъ
Неумолимо-злобнымъ рокомъ.

Не стало въ мірѣ одного —
И я живу въ немъ, какъ въ пустынѣ!
Въ немъ все мучительно мнѣ нынѣ
И нѣтъ роднаго ничего.

Земля и люди сердцу чужды,
Ихъ перлъ божественный исчезъ,
Они мнѣ скучны, нѣтъ въ нихъ нужды —
Я жажду смерти и небесъ!
Мнѣ жизнь помпшельнѣе ада
Отъ ожиданія конца,
И лишь въ храненіи кольца
Осталась грустная отрада.

С. Петербургъ 1832.

ЖЕЛАНІЕ.

Когда по волѣ прихотливой
Въ пространствѣ носится мой взоръ,
Я рвусь душой вольнолюбивой
На необъемлемый просторъ.

Своей громадою красивой
Меня плѣняютъ цѣпи горъ,
И звѣзды ночи молчаливой,
И неба дневнаго шатеръ.

О, для чего мнѣ мать-природа,
Могучей легкости орла
Въ своей щедротѣ не дала! —

Я поднялся-бъ до небосвода,
Чтобъ гордо видѣть съ высоты
Земнаго быта суеты.

Верея 1835.

САМОЗАБВЕНІЕ.

Когда надъ влагой мутной Случи
Густѣютъ нагнанныя тучи,
И вся окружная страна
И безпокойна и мрачна, —
На высотахъ скалы прибрежной,
Безмолвно стоя надъ рѣкой,
Люблю я съ сердцемъ думой нѣжной
Миритъ враждующій покой.
Воды взволнованной плесканье,
И шумъ встревоженныхъ деревъ,
И бурныхъ вѣтровъ завываніе,
И водопадовъ дальній ревъ —
Въ душѣ, на время, заглушаютъ
Всѣ ощущенья горькихъ бѣдъ,

И мыслямъ томнымъ открываютъ
Счастливыхъ дней остылый слѣдъ!
Иду по немъ, и забываюсь,
И жизнь по прежнему люблю,
На грудь Аннеты приклоняюсь,
Привѣтный взоръ ея ловлю,
Внемлю плѣнительныя рѣчи,
Ласкаю милыя красы —
Уста и нѣжные власы
И ручки бѣлыя и плечи...
Но грянулъ надо мною громъ —
Простите, сладкія мечтанья!
Вы унеслися легкимъ сномъ,
И пробужденъ я для страданья.

На Волыни
м. Мирополье 1827.

КАЗАКУ.

Придержи свою казачку,
Сѣдовласый мой казакъ!
Давъ хорошенькой пошачку
Попадешь ты съ ней въ просакъ,
И въ дражайшей половинѣ
Встрѣтишь тайнаго врага,
И прикрасою сѣдинѣ
Наживешь себѣ рога!

Пятигорскъ 1833.

ДВѢ РОЗЫ.

Я видѣлъ ликъ цвѣтущей розы,
Его роскошныя красы,
Когда на немъ блистали слёзы
Алмазной утренней росы.

Какъ сладко близъ него дыханье
Въ торжественный восхода часъ!
Какое вкругъ благоуханье
И сколько прелестей для глазъ!...

Я видѣлъ ликъ живущей Розы,
Хранимой Господомъ въ тиши,

Когда на немъ блистали слёзы
Мольбой растроганной души.

Какъ сладко было умиленье!
Какъ чужды мысли всѣхъ проказъ!
Какое вкругъ благоговѣнье
И сколько прелестей для глазъ!

Врожденной склонности послушный,
Плѣненъ обѣихъ я красой:
Но что ты, роза, цвѣтъ бездушный,
Предъ Розой съ ангельской душой!

С. Петербургъ 1832.

БАБОЧКА.

Родиться вдругъ съ весной, вдругъ съ розой кончить вѣкъ,
На крыльяхъ вѣтерка взлетать подъ небосводы,
Качаться на цвѣтахъ среди прохладъ и пѣгъ,
Пить сладкій ароматъ, вкушать дары свободы,
И, рано отряхнувъ цвѣтистый порошокъ,
Умчаться въ горній міръ, какъ легкое дыханье —
Таковъ, о, бабочка, твой благодатный рокъ!
Съ тобою сходствуетъ летучее желанье:
Оно все носится, не отдохнетъ часа,
Все ищетъ лучшаго въ несытости чудесной,
И, не найдя его въ печальной поднебесной,
За счастьемъ наконецъ стремится въ небеса!

Пятигорскъ 1833.

ЛЮБОВЬ.

Гдѣ чуждо взорамъ умпленье
И на челѣ не видно думъ,
Гдѣ поставляютъ въ наслажденье
И танецъ вѣтренный и шумъ,
Гдѣ скученъ кровъ уединенный,
Гдѣ въ вѣчномъ лепетѣ языкъ —
Туда огонь благословенный
Любви священной не проникъ.
Но тамъ, гдѣ легъ на ясны очи
Меланхолическій туманъ,
Гдѣ любятъ сумракъ тихой ночи,
Гдѣ душенъ свѣта ураганъ,
Гдѣ сладокъ миръ уединенья
И нестерпима суета,

Гдѣ думы полны вдохновенья,
Но безглагольственны уста,—
Вотъ тамъ высокая, прямая
И неподдѣльная любовь!
Тамъ участь смертнаго земная
Завиднѣй участи боговъ!

С. Петербургъ 1833.

ВИДЪ КАЗБЕКА ВЪ ПОЛДЕНЬ.

Нѣтъ ни пятнышка въ эфирѣ,
Какъ стекло его разливъ;
Въ голубой своей порфирѣ
Міръ торжественно красивъ.
Солнце блещетъ пламенѣя,
Не дохнетъ нѣмая даль;
Тучи кроются, не смѣя
Потемнять небесъ эмаль.

Кто-же гордо-дерзновенной,
Въ отдаленіи, одинъ

Приподнялся шакъ надменно
Межь ушесовъ и стремнинъ?
Кто сребристой полосою
Неба зеркало разсѣкъ,
И стоишъ, какъ надъ толпою
Вдохновенный человѣкъ? —
Это снѣжною вершиной,
Надъ глубокою долиной,
Поднялся гигантъ Казбекъ!

Вкругъ него широкой цѣпью
Горы синія легли,
Подъ пятой чело земли,
Надъ челомъ лазурной степью —
Несравненная краса —
Развилися небеса.

Ясенъ полдень безмятежный,
Нѣтъ движенья, замеръ звукъ;

Опираясь на снѣжный
Горъ Кавказскихъ полукругъ,
Отдыхаетъ сводъ небесной
Величавый Бога сынъ,
Дремлетъ все въ странѣ окрестной,
На часахъ — Казбекъ одинъ.

Пятигорскъ 1833.

СЕРДЦЕ.

Ничтожное, слабое смертнаго сердце
Едва ощутительно бьется въ груди;
Ударъ лезвѣя или пуля — и полно!
Затихло, навѣки окончило бой....
Но пусть мнѣ укажутъ бездонную пропасть,
Гдѣ было-бы такъ-же, какъ въ сердцѣ темно;
Но пусть мнѣ укажутъ дооблачный яворъ
Съ такимъ-же безчисленнымъ сонмомъ вѣтвей.
Страстей разнороднѣйшихъ бурное море,
Пороковъ и зла отвратительный адъ,
И добрыя свойства въ забытыхъ изгибахъ,
И пламень любови, и хладный развратъ —

Все въ сердцѣ живешь, и находишь пространство
Къ волненію вѣчному, къ вѣчной борьбѣ,
И тихо тогда лишь въ груди человѣка,
Когда уже нѣтъ человѣка того!

С. Петербургъ 1833.

МАШЕНЬКѢ У.....Й.

Порхай, порхай! пока порхается тебѣ,
Дитя прекрасное невинности и воли!
Пока въ земной своей судьбѣ
Ты не извѣдала сердечной, тяжкой боли.
Она минетъ пора веселья и прыжковъ
И беззаботнаго къ заботамъ неучастья;
Покровомъ темныхъ облаковъ
Затмится блескъ безоблачнаго счастья.
Я не пророкъ; но выучилъ меня
Суровый опытъ мой, разумными годами,
Ждать въ утро ясное томительнаго дня,
А въ ясный день ждать вечера съ громами...

Пятигорскъ 1833.

СВОБОДА.

Замайчивъ, плѣнителенъ призракъ свободы,
А все онъ лишь призракъ да бредъ,
И глупо вы имъ обольстились, народы,
Неправильный давъ ему свѣтъ.

Любуйтесь въ ночи на небесные своды,
На плаванье мирныхъ планетъ:
Гуляютъ онѣ безконечные годы
Широко — а воли имъ нѣтъ!

Смиритe-же буйную вашу отвагу,
Въ порывѣ къ видѣнію грезъ,
Примѣромъ священныхъ небесъ:

Та только свобода ведетъ насъ ко благу
И та лишь не пагубный сонъ,
Съ которой согласенъ законъ.

Вѣрея 1855.

Б — ВУ.

Дай руку мнѣ, мой другъ-поэтъ!
И опустись въ мои объятья;
Пусть, по разлукѣ долгихъ лѣтъ,
Мы вновь обнимемся, какъ братья;
Пусть, отряхнувъ печалей грузъ,
Веселье прежнее почуемъ,
И неразрывный нашъ союзъ
Означимъ братскимъ поцѣлуемъ!

Хвала судьбѣ! прошло оно,
Горячей дружбы время вдовье;
Кипи янтарное вино!
Мы станемъ пить ея здоровье.

Жемчужься аромашный шокъ!
Ложися чаша краемъ на лобъ!
Теперь опять свободенъ рокъ
Отъ нашихъ просьбъ и шомныхъ жалобъ.

Что было прежде, то прошло;
Того, что будетъ — не минуемъ;
Пускай-же громко и свѣтло
Мигъ настоящій попируемъ!
Жизнь удовольствіемъ бѣдна,
Грѣшна мгновенія утраша...
Еще вина! еще вина!
И тостъ за тостомъ брапъ за брата!

Пей, другъ, разгульно черезъ край,
Сокъ виноградный чуждъ отравы!
Для шѣла въ немъ такой-же рай,
Какъ для души въ восторгахъ славы;
Но славы нѣтъ, и намъ давно
За ней стремленье надоѣло;
Пускай-же свѣтлое вино
Развеселяетъ наше шѣло!

Расти бутылокъ тѣсный кругъ!
Гуляйте винные туманы!. .
Разлуки тягостный недугъ,
Его мучительныя раны,
Минувшихъ лѣтъ печаль и грусть —
Все, все утопимъ въ пѣнной чашѣ!
И день сегодняшній намъ пусть
Всѣхъ дней протекшихъ будетъ краше!

С. Петербургъ 1835.

РАЗСТАВАНІЕ СОЛНЦА СЪ ЭЛЬБОРУСОМЪ.

Предметъ фантазіи поэта!
Любимецъ хладный нѣжныхъ Музъ!
Еще тебѣ два, три куплета,
Великолѣпный Эльборусъ!
Чѣмъ ближе вижу я каршину
Сихъ величавыхъ снѣжныхъ горъ,
Чѣмъ чаще на твою вершину
Я устремляю жадный взоръ,
Тѣмъ болѣе, колоссъ угрюмой,
Я восхищаюсь и дивлюсь,
Тѣмъ выше пламенною думой
Вольнолюбиво заношусь!

Вчера, какъ дневное свѣтило
Умалило палящій жаръ,
И къ горизонту покатило
Съ высотъ небесъ янтарный шаръ,
Я вышелъ — радъ упадку зноя —
Дышать амврозіей прохладъ,
И, на холмѣ высокомъ стоя,
Смотрѣть на розовый закатъ.

Но съ вечеромъ благоуханнымъ
Еще боролся жаркій день,
Лишь по раздоліямъ туманнымъ
Росла и ширилася тѣнь;
Но постепенно все вольнѣе
Распространялся мглы покровъ —
На скатъ небесный все виднѣе
Шла міра гордость и любовь!

И вотъ она румянымъ ликомъ
Легла на самый небосклонъ,

И шамъ, въ лѣсу густомъ и дикомъ,
Ужь полумракъ со всѣхъ сторонъ;
Вотъ ниже, ниже, потонула,
День золотой расплавленъ въ сталь,
И ночь на землю напахнула
Свою туманную вуаль!

На горы лишь она не смѣетъ
Накинуть черный этотъ флёръ:
Еще надъ ними пламенѣетъ
Закатный лучь, любовникъ горъ;
Онъ ихъ цѣлуетъ и лобзаетъ,
Носясь къ вершинамъ отъ вершинъ,
Онъ всѣ румянитъ, позлащаетъ —
Ко всѣмъ онъ ластится одинъ!

Но вотъ, и горы почернѣли,
Ихъ тма сердитo увила;
Лишь съ твоего, гигантъ, чела
Заката блески не слетѣли!
Лишь Эльборусова глава
Еще осыпана сіяньемъ,

И солнце — око Божества —
На ней замедлило съ лобзаньемъ!
Оно трепещущимъ лучёмъ
Еще ее поцѣловало —
И нѣтъ!... померкло все кругомъ,
И все кругомъ печально спало....

Пятигорскъ 1833.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Листокъ, безчувственный листокъ!
Послушай и пойми:
Искалъ я друга, но не могъ
Найдти между людьми;
Къ моей томительной судьбѣ
Участія въ нихъ нѣтъ,
И такъ, довѣрю я тебѣ
Души моей секретъ....

Есть много звѣздъ въ полночной мглѣ —
Прекраснѣй всѣхъ луна;
Есть много женщинъ на землѣ,
Но лучше всѣхъ — одна!

Скажи ты ей, напомни ей,
Въ благопріятный мигъ,
Что свѣтлый взоръ ея очей
До сердца мнѣ проникъ,
Что въ этомъ сердцѣ.... но постой!
Не трать излишнихъ словъ;
Кому знакомъ огонь святой,
Кому близка любовь —
Тотъ и въ молчаніи найдетъ
Замѣну языка,
Тому не нуженъ переводъ
Альбомнаго листка!

Коломна 1833

ЗАГАДКА.

Я птица, и полетъ мой полный
Поспоритъ въ скорости съ орломъ;
Я рыба, но не сыщутъ волны
Страшнѣй меня на днѣ морскомъ;
Я слонъ, и мой хребетъ могучій
Подобный башнямъ носитъ вьюкъ;
Расправлю члены — и ползучій
Со мною сходствуетъ паукъ.
Когда-жь зубами я вопьюся
Въ твою подошву, океанъ,
Я влаги бѣшенству смѣюся
И презираю ураганъ.

Пятигорскъ 1833.

ЖИЗНЬ.

Кипитъ, и бунтуетъ, и проситъ предметовъ далекихъ,
И призраки ловитъ безумная жизнь;
Ей тѣсно на свѣтѣ, ей мало громады вселенной,
Пока не смиритъ прихотливицы тихая смерть.

С. Петербургъ 1833.

РОЗЕНЬКѢ К.....Ъ.

Склонись на грудь мою, склонись
Головушкой своей;
Прислушайся и подивись,
Какъ сердце бьется въ ней.
Не жажда мести иль войны
Волнуетъ нынѣ кровь:
Всѣ страсти въ ней охлаждены —
Кипитъ одна любовь!
Къ кому-же бурная кипитъ,
Сама съ собой въ борьбѣ? —
Всѣхъ думъ, всѣхъ чувствъ моихъ магнитъ —
Красавица — къ тебѣ!

Ты это сердце разожгла
Спасительнымъ огнемъ,
Ты снова жизнь ему дала —
И рай вмѣстила въ немъ!

Пятигорскъ 1833.

ФЛАНКЕРСКАЯ ПЕРЕСТРѢЛКА.

Одушевленная картина!
Два войска грозныя стоятъ;
Межъ нихъ обширная равнина
И укрѣпленій древній рядъ.
Все тихо вкругъ; но оба строя
Готовы двинуться на бой,
И освѣжиться отто зноя
Потокомъ влаги кровяной.
Вотъ, разсыпаются фланкёры,
Вотъ, выѣзжаютъ казаки,
Движенья ловки и легки
И поворотливы и скоры!
Безпечность вольную храня,
Донцы идутъ на пиръ кровавой;

Какъ хмѣль да пѣсни, и рѣзня
Имъ служитъ праздничной забавой.
Но вотъ и Турки! рукава
Засучены у нихъ по плечи;
Вся грудь открыта, голова
Въ чалмѣ широкой. Поле сѣчи —
Стихія ихъ; они горятъ
Великодушной жаждой брани;
Отъ дѣтства самаго острятъ
Булатъ на Русскаго ихъ длани.
А конь Турецкій — этотъ конь
Предъ нашимъ истинное диво!
Онъ весь кипитъ, онъ весь огонь,
Онъ рвется въ бой нетерпѣливо!
И только всадникъ удалой
Припуститъ повода немного,
Какъ молнія во тмѣ ночной
Въ пыли несется легконогой!
По произволу сѣдока,
Кружится ласточкой онъ въ бѣгѣ;
Пожатый стременемъ слегка,
Онъ черезъ ровъ — и вновь на брегѣ,

И вновь помчался, вновь летитъ,
И тучи пыли подымаетъ,
И высоко изъ-подъ копытъ
Дресву и камень вышибаетъ!
Но поводъ вдругъ укорочёнъ —
И въ мигъ остановился онъ....

Смотрите, скоро на долинѣ
Взаимно сблизятся враги.
Богъ только нашихъ береги!
О Мусульманахъ нѣтъ въ поминѣ.
Чу! выстрѣлъ!—и другой!... пафъ, пафъ...
Все чаще!... завязалось дѣло!...
Вонъ, Турокъ, на луку припавъ,
Летитъ назадъ уже, и бѣлой
Въ крови багровѣетъ рукавъ!
Строй Русскихъ громко восклицаетъ
Свое веселое *ура;*
Побѣдный возгласъ повторяетъ
Невнятнымъ откликомъ гора....

Вотъ и подъ нашимъ палъ конь гордый,
На всемъ скаку пробитъ свинцомъ;
Вставая, плачетъ воинъ шпердый
Надъ падшимъ борзымъ удальцомъ.
Какъ не жалѣть о немъ солдату,
Какъ не грустить и не тужить!
Къ нему привыкъ онъ, словно къ брату,
Съ нимъ чаялъ службу отслужить....
Межъ тѣмъ *Ала* ужь проревѣло
Въ отплату нашимъ; но пускай!
За лошадь, въ ратномъ полѣ, смѣло
Возмемъ мы Турка, лишь давай!...

Ахъ, поглядите, какъ лукаво
Врага манитъ въ бѣду казакъ;
То вдругъ впередъ, назадъ, направо —
Какъ смѣлъ и ловокъ — браво! браво!
Не попадися лишь въ просакъ.
О, плутъ! какъ лихо онъ лукавитъ,
Какія сѣти Турку ставитъ!
Но видно, самъ не промахъ шотъ,

За нимъ ударъ не пропадетъ.
Что-жь, оробѣлъ?... смотри, задавишь!
Скачи!... еще два, три шага —
И роста казаку убавишь
Рука тяжелая врага....
Нѣтъ! увернулся! — Турокъ минулъ,
Далъ маху длинный ятаганъ;
Свершенъ замышленный обманъ!
Донецъ проворный ужь накинулъ
На Мусульманина арканъ....

А тамъ опять другая сцена:
Какъ вихрь степной легокъ и скоръ
Несется конь во весь опоръ;
Сѣдокъ приподнялъ, отъ колѣна,
Висѣвшій съ боку пистолетъ;
Въ дыму сверкнулъ мгновенный свѣтъ —
Онъ выстрѣлилъ — и вольтъ налѣво,
Летитъ поляной, какъ стрѣла!
Но вотъ, еще гремитъ *Ала* —
Какъ съ корня срубленное древо

Донской казакъ упалъ съ сѣдла.
Вернулся Турокъ; онъ слѣзаетъ,
Онъ къ трупу ворономъ припалъ,
И осквернительно сверкаетъ
Въ рукѣ жестокаго кинжалъ ..
Въ мигъ операція готова,
И снова всадникъ на сѣдлѣ,
Ретивый конь несется снова,
Чуть прикасаяся къ землѣ!
При блескѣ дневнаго свѣтила
Бѣлѣетъ хищника чалма,
А у бедра видна сума,
Ушей отрѣзанныхъ могила.
Изъ ней бѣжитъ на пыльный путь
Густая кровь струей багровой:
Постой, злодѣй, когда-нибудь
Мы разочтемся въ дракѣ новой!

С. Петербургъ 1832.

ПРОЩАНІЕ СЪ ПЕТЕРБУРГОМЪ.

Пришла желанная пора —
Я за чертою Петрограда;
Символъ величія Петра,
Тебя оставить мнѣ отрада!
Ты превосходенъ, сознаюсь,
Твои достоинства я вижу;
Тобой гордиться можетъ Русь
На зло бурливому Парижу;
Но я.... Нѣтъ, Сѣверъ не по мнѣ —
Я леденѣю въ этой стужѣ,
И все мнѣ кажется вдвойнѣ
При ней томительнѣй и хуже.
Простн-жь; Невы роскошный видъ,

И блескъ, и роскошь, и забавы —
Ничто меня не заманитъ
Къ тебѣ, младой и величавый,
Столицъ Европы братъ и щитъ!

Новгородъ 1833.

ТИШЕ ѢДЕШЬ, ДАЛЬШЕ БУДЕШЬ.

Гудитъ звонокъ, поетъ звонокъ
Подъ росписной дугой,
И словно вдѣланъ въ облучокъ
Сидитъ ямщикъ лихой.
Тѣлежка мчится, какъ орелъ,
Какъ соколъ на лету,
Съ крутой горы въ глубокій долъ
И вновь на высоту.

Скачи, лети, мой молодецъ!
Спѣши везти меня,
Какъ отъ гонцевъ спѣшитъ бѣглецъ,
Добравшись до коня.

А за труды тебѣ, ты знай,
Я вѣрный твой должникъ,
И лишь пріѣдемъ мы въ Валдай
Я расплачуся въ мигъ.

«Сиди-же, баринъ, по-плотнѣй,
«Нарадую, авось!
«Не жалко борзыхъ мнѣ коней,
«Не хряснула-бы ось.
«Эхъ вы, соколики, валяй!
«Скачите вперевалъ!
«За васъ мнѣ баринъ краснобай
«На водку обѣщалъ.»

Такъ развернулся мой ямщикъ
Разгульнымъ удальцёмъ,
И къ тройкѣ ухорской приникъ,
И бьетъ по всѣмъ по тремъ.
Уже не птицей, а стрѣлой
Несусь я по горамъ,

Лишь пыль широкой пеленой
Клубится по слѣдамъ.

Мелькаютъ версты.... вдругъ толчокъ,
За нимъ другой сильнѣй,
И мой угадчикъ, мой пророкъ
Упалъ подъ лошадей.
Какъ не бывало колеса,
Пристяжка пополамъ —
И вѣрно ранѣе часа
Не быть на мѣстѣ намъ.

Во всемъ надъ нами верхъ взяла
Сѣдая старина,
Во всемъ родимая была
Отчетисто умна.
Ахъ, было слушаться ее
И бѣшено не гнать,
Такъ не пришлось-бы намъ свое
Безумье проклинать.

Валдай 1833.

ПЕРЕѢЗДЪ КЪ ТВЕРИ.

Ярко блещетъ полдень знойной
Въ ослѣпительной красѣ;
На тележкѣ безпокойной
Я несуся по шоссе.
Кони мчатся конскимъ летомъ —
Или скачью или въ рысь;
Надо мной сѣдымъ наметомъ
Тучи пыльныя свились.
Ахъ, неситесь, борзы кони,
Какъ испуганный олень
Отъ охотничей погони
Съ поля въ лѣсъ — въ густую тѣнь;

Разстилайтесь, удалые,
Недалеко ужь теперь;
Видны куполы златые —
Тамъ вашъ отдыхъ — это Тверь.

Тверь 1833.

УТРО.

Вѣетъ свѣжій воздухъ утра,
Аромать со всѣхъ сторонъ;
Облака изъ перламутра
Одѣваютъ небосклонъ;
Въ свѣтло-розовой порфирѣ
Солнце алое встаетъ;
Все пурпурнѣе и шире
Разгорается восходъ.....
Эй, пошелъ, ямщикъ мой смуглой!
И размашистымъ кнутомъ
Знай верти надъ шляпой круглой,
Знай хлыщи по всѣмъ по тремъ!
Посмотри, какъ убываетъ
Длинной тѣни полоса:

Скоро полдень запылаетъ,
Раскалятся небеса!
Эй, пошелъ-же скачью вольной,
А не то въ лихую рысь,
Чтобъ къ Москвѣ первопрестольной
Мы до зноя принеслись.

Черная Грязь. 1833.

МОСКВА.

Увидѣлъ наконецъ! такъ вотъ ты какова
Изъ камня бѣлаго, широкая Москва!
На долы и холмы ступила ты пятами,
До неба поднялась блестящими главами!
Величіе твое и выся и свѣтля
Изъ лона твоего встаетъ стѣна Кремля;
Ея зубчатою короною вѣнчанна,
Объемлешь ею ты колосса Іоанна.
На персяхъ у тебя, какъ яхонтъ и жемчугъ,
Чертоги и дворцы нанизаны вокругъ;
Зеленые сады гирлянды составляютъ,
И прелести твои, скрывая, возвышаютъ.
Твой станъ перевила въ стальные пояса,
Трехъ рѣкъ извившихъ тройная полоса;

Высокое чело накрыто будто шалью
Безоблачныхъ небесъ лазоревой эмалью, —
И въ семъ убранствѣ ты, какъ нѣкая жена,
Стоишь, красуяся, могуча и славна!

Москва 1835.

СОЛОВЕЙ.

Не пой, умолкни Каталани
И Зонтагъ милая моя!
Я вамъ плашилъ вниманья дани,
И восхищался вами я.

Но въ этотъ мигъ, въ пылу мечтаній,
Надъ свѣтлой влагою ручья,
Для сердца нѣтъ иныхъ желаній,
Какъ слушать пѣнье соловья.

Ничто вашъ голосъ принужденной
Предъ этой пѣснью вдохновенной,
Предъ вольнымъ голосомъ его:

Очаровательныя трели —
Источникъ выспреннихъ веселій,
Родникъ восторга моего!

Подольскъ 1833.

ВДОХНОВЕНІЕ НЕ ВЪ ПОРУ.

Ахъ, зачѣмъ я спряталъ перья,
И бумаги увязалъ;
На тележкѣ бы теперь я
Пѣсню мигомъ написалъ.
Пылъ мечты меня расплавилъ,
Разыгралася душа;
Геній воли — недругъ правилъ —
Вдохновенья мнѣ подбавилъ,
Словно меду изъ ковша!
Въ мысляхъ рѳмы разроились,
Какъ весною улей пчёлъ.....
Эй, ямщикъ, пошелъ, пошелъ! —
Мы совсѣмъ остановились.

Мой закладенный портфель
Я на станціи достану,
И поэзіей пригряну,
Какъ нигдѣ еще досель!

Серпуховъ. 1853.

ОБОЯНСКІЕ СОЛОВЬИ.

Постой!... какія это трели?
Какой божественный напѣвъ?
Или въ прохладу тѣхъ деревъ
Съ небесъ полуночныхъ слетѣли
Святые лики райскихъ дѣвъ?....
Вездѣ, кругомъ я внемлю звуки,
И сколько чувства въ нихъ и силъ!
Всѣ тоны радостей и муки
Волшебный хоръ ихъ совмѣстилъ;
Всѣ нервы сердца потрясаетъ
Его кипучій переливъ;
Всѣ мысли къ небу поднимаетъ
Его превыспренній порывъ!..
Ницъ, Италійскія пѣвицы!

Прочь вы, пѣвцы ночныхъ гондолъ!
Васъ превзошли малютки-птицы,
Хоръ соловьиный превзошёлъ.
Учитесь! слышите-ли шопотъ,
Урчанье, щелканье и свистъ?
То будто водъ нагорный ропотъ,
То будто съ вѣтромъ шепчетъ листъ!
Что ваши пѣсни и концерты? —
Пустой наборъ зашѣйныхъ нотъ;
А здѣсь на душу распростертый
Малѣйшій тонъ мнѣ мысль даетъ!
Тутъ звуки ласки и привѣта,
И кликъ побѣдъ, и плачъ измѣнъ —
Тутъ вся гармонія поэта,
Когда онъ Музой вдохновенъ!!....

Обоянь 1833.

ПОЛДЕНЬ.

Уступило утро зною,
Такъ и пышитъ полдня жаръ;
Сводъ небесный надо мною,
Какъ стеклянный полушаръ.
Даль синѣется; румяна
Раскаленная земля;
Тканью жгучаго шумана
Запеленаны поля.
Люди бросили работу,
И, въ тѣни деревъ густой,
Погрузилися въ дремоту,
Улеглися на покой;
Птицы въ рощахъ затаились,
Ни одна не пропоетъ;

Листья вяло опустились;
Замерла поверхность водъ.
Ничего мой слухъ не внемлетъ,
Все безмолвствуетъ кругомъ;
Міръ земной лѣниво дремлетъ
Вредоноснымъ полдня сномъ.
Я одинъ, большой дорогой,
Быстро мчусь въ двѣнадцать ногъ,
И одинъ всему тревогой
Легкой тройки дружный скокъ.

Бѣлградъ 1833

ЖАВОРОНКУ.

Пой, жаворонокъ мой, молебственную пѣснь,
Въ послѣдній разъ ее, мой жаворонокъ, пой;
Я взвелъ уже курокъ, я наведу ружье —
И въ мигъ звукъ выстрѣла, смертельнаго тебѣ,
Сольется съ пѣснею предсмертною твоей....
Пѣлъ жаворонокъ мой молебственную пѣснь,
Въ послѣдній разъ ее мой жаворонокъ пѣлъ:
Я взвелъ курокъ замка, прицѣлился ружьемъ —
И въ мигъ звукъ выстрѣла, смертельнаго ему,
Съ предсмертною его мелодіей слился....
Не жалко-ль птички мнѣ? — не жалко-ль мнѣ пѣвца? —
Нѣтъ! мнѣ его не жаль: хотѣлъ-бы я и самъ,
Чтобъ смерть нежданная застигнула меня,
Когда я Господу хвалебный гимнъ пою!...

Черкаскъ 1833

НОЧЬ.

Міръ безмолвенъ, какъ могила
Иль высокая печаль.
Ночь на землю опустила
Темно-синюю вуаль.
Отдыхаетъ вся природа
Въ благодатномъ, тихомъ снѣ,
Только перлы небосвода —
Блещутъ звѣзды въ вышинѣ,
Да кругомъ, надъ горной высью,
Распѣваютъ соловьи,
Да по долу, легкой рысью,
Идутъ лошади мои.

Ставрополь 1833.

СВѢТЛАНѢ.

День погаснулъ, и Діана
Золотитъ эфира синь;
Подойди ко мнѣ, Свѣтлана,
И объятія раскинь,
И на груди лебединой
Успокой, душа, меня;
Пусть я, мигъ хотя единой,
Отдохну отъ муки дня;
Пусть я жаркими руками
Станъ твой легкій обовью,
И горячими устами
Розанъ устъ твоихъ вопью....

Подошла ко мнѣ Свѣтлана,
И объятія мои
Обвилъ дѣвѣ я вкругъ стана
Съ жаромъ пламенной любви,
И на груди бѣлоснѣжной
Утомленный отдыхалъ,
И уста прекрасной нѣжно,
Упоенный цѣловалъ!...

Александровъ 1833.

КАЛМЫЧКА.

Всемогущею привычкой
Подружился я съ Калмычкой;
Плосколицая была
Не красива, но мила.
Глазки узкіе сверкали,
Какъ въ полуночи огни,
Сладострастье выражали
И любовь ко мнѣ они.
Отъ сомнѣнія далекой,
Я спокоенъ былъ душой:
Кто-бы вкусъ одобрилъ мой
Въ этой дѣвѣ смуглощекой? —
Но нашелся тайный врагъ —
Похититель мирныхъ благъ;

Страсть, достойную проклятья,
Онъ ей въ сердце поселилъ,
Отъ меня, въ свои объятья,
Онъ ее переманилъ.....

Не кляни-же ты судьбины,
Мой невзрачный Селадонъ;
Видишь, страненъ вкусъ мужчины –
Но страннѣй у женщинъ онъ!

Георгіевскъ 1833.

ПЕГАСЪ ВЪ ЯРМѢ.

(изъ Шиллера).

На ярмарку, не знаю гдѣ,
Но помнится мнѣ, въ праздникъ Спаса,
Поэтъ, въ отчаянной бѣдѣ,
Привелъ продать Пегаса.
И ржалъ и топалъ Гиппогрифъ,
И на дыбы красиво становился;
Вокругъ него народъ наперерывъ
Со всѣхъ сторонъ, дивясь, толпился.
Чудесный конь! кричали всѣ,
Невольно думаешь, показный!

Жаль, крылья не подъ стать красѣ,
Они на стройномъ безобразны.
Пускай чрезъ нихъ легокъ онъ, какъ орелъ,
Пусть и орла онъ опередитъ,
Да кто съ ума сошелъ,
И кто по воздуху поѣдетъ?!
А даромъ деньги отдавать
Кому придетъ безумная охота?
Не всякій можетъ ихъ достать,
И то съ трудомъ и не безъ пота.

Но наконецъ какой-то покупщикъ
Сталъ прицѣняться очень смѣло;
Что-жь! крылья не бѣда; связалъ или подстригъ,
Такъ лошадь и годится въ дѣло.
Такъ разсудивъ, ни-какъ, ста два рублей
Онъ предложилъ поэту площадному,
А тотъ и по рукамъ скорѣй!
И Климъ съ конемъ поплелся къ дому.

Вотъ запрягли Пегаса въ возъ;
Но лишь почуялъ онъ позорную запряжку,

Какъ спалъ хлыстать крилами наразмашку,
Пошомъ зартачился, зафыркалъ, вдругъ пон съ—
И, съ быстраго разбѣга,
Въ глубокій ровъ обрушилась телега.
Ну ладно-же, подумалъ Климъ,
Постой, крылатая скотина!
Ужь выучу! не шѣмъ, шакъ чѣмъ нибудь другимъ.
Я завтра отвожу въ каретѣ господина,
Впрягу въ уносъ, а шамъ, тяни хошя весь цугъ!
По мнѣ работай съ жару
Весь вѣкъ одна за пару;
А мало этого, шакъ попадешь и въ плугъ, —
Проходятъ норовы съ годами, а не вдругъ.

Сперва пошло на ладъ; рысь лошади крылатой
И клячамъ ходу придала;
Большой дорогою, вдоль гладкаго раската,
Летитъ карета, какъ стрѣла.
Но что-жь? — безъ навыка, устав стучать копытомъ
О камни на пути пробитомъ,

Свернулъ Пегасъ упорно съ колеи,
И въ бѣшеной свободѣ,
Послушно выспренней породѣ,
Взведя наверхъ глаза свои,
Онъ поскакалъ чрезъ горы и болота,
Чрезъ мхи, кусты, овраги и ручьи!
Смутила и другихъ ретивая охота —
За нимъ помчались буйно вскачь
Лѣнивыя досель и тощія семь клячь.
Теперь ничто имъ не помѣха,
Все путь — вода и косогоръ и лѣсъ;
Климъ держитъ и кричитъ, но нѣтъ ни въ чемъ успѣха,
Такъ разбѣсилъ коней какой-то бѣсъ!
Пока нашёша коллеръ вволю,
Побѣгавъ досыта по вспаханному полю,
Чрезъ всѣ препятствія вразрѣзъ,
Они взвезли разбитыя колеса
И, въ смятомъ кузовѣ, испуганныхъ господъ
Почти подъ самый небосводъ,
И стали на краю ужаснаго утеса.

Нѣтъ, это не спроста! наморща важно лобъ,
Вновь разсуждаетъ Климъ; съ такой лихой собакой
Не долго угодишь и въ гробъ.
Попробуемъ однако;
Быть можетъ, голодъ и соха
Немного прыти поубавятъ,
И присмирѣешь тебя, проклятая, заставятъ
И будешь ты послушна и тиха.

Испытано; — и дня въ четыре
Помину даже нѣтъ о жирѣ,
Весь Олимпійскій гость,
Какъ въ мѣхъ завернутая кость.
Ага! теперь я сталъ умнѣе,
Ума попытка придала!
Давайте мнѣ живѣе
Дюжаго, лучшаго вола!
Такъ восклицаетъ Климъ съ улыбкой,
И, въ довершенье мукъ,
Приготовляется конь Музъ живой и гибкой
Съ воломъ въ тяжелый плугъ.

Вотъ сдѣлано. Смѣшной четою
И подъ однимъ ярмомъ,
Идетъ крылатый конь съ воломъ,
Взрывая землю бороздою.
Но съ гордостью, собравъ остатокъ силъ,
Онъ вдругъ рванулъ, чтобъ улетѣть за тучи....
Не тутъ-то было! волъ остановилъ —
И палъ на землю конь доселѣ столь могучій.
Онъ бьется бѣшено, онъ стонетъ и храпитъ,
Надъ мордой паръ, глаза сверкаютъ;
Но гдѣ ярмо безсилье тяготитъ —
Тамъ гнѣвъ и злость не помогаютъ.
Отродье адское! негодно ты и тутъ!
Взываетъ Климъ, Пегасомъ разъяренной,
Знать обманулъ меня тобою плутъ!
И надъ спиною окрыленной
Взвился позорный кнутъ.

Еще не стихла ярость Клима,
Онъ все хлысталъ еще бичемъ,

Какъ вдругъ, случайно шедшій мимо,
Веселый, съ радостнымъ лицемъ,
Спалъ юноша предъ нимъ. Въ рукахъ звучитъ гитара;
Въ очахъ небесный блескъ; шелкъ локоновъ до плечъ;
Онъ издали еще заводитъ съ Климомъ рѣчь:
Что-за невиданная пара?
Крылатый конь и волъ!
Одинъ съ размаха,
Безъ робости и страха,
Способенъ возлетать на небо, какъ орелъ —
Другой опредѣленъ шагами мѣрять долъ,
Медлительно влачась, какъ черепаха!
Послушай, другъ,
Пахать на этой парѣ худо;
Оставь-же на минуту плугъ
И мнѣ довѣрь коня, такъ ты увидишь чудо.

Вотъ, выпряженъ изъ плуга Гиппогрифъ,
Въ мигъ отряхнулся онъ отъ пыли,

И легкій юноша, проворно подскочивъ,
Сѣлъ на хребтѣ у самыхъ крылій.
Разумный конь, послыша сѣдока,
И ржетъ и буйно водитъ мордой,
И смѣло смотритъ въ облака,
И землю попираетъ гордо.
Огонь въ глазахъ, огонь въ движеньяхъ ногъ!
Не шакъ, какъ прежде, нѣтъ, надменно,
Какъ нѣкій царь, какъ духъ, какъ полубогъ,
Онъ выступаетъ ободренной;
И вотъ, роскошныя онъ крылья развернулъ,
Повѣялъ вѣтеръ съ нихъ, какъ въ мигъ незапной бури,
И Климъ едва еще взглянулъ,
Какъ лошадь съ сѣдокомъ исчезнули въ лазури.

Пятигорскъ 1833.

.....Ѣ.....Ѣ.....Й.

Когда трепещущей рукой
Моей руки ты прикасалась,
Какою сладкою тоской
Тогда любовь моя питалась!
Я таялъ, нѣжился и млѣлъ,
И восхищался торжествуя,
И цѣловать тебя хотѣлъ,
И опасался поцѣлуя!...
Казалось мнѣ, что ты свята
И недоступна, какъ богиня, —
Казалось мнѣ, мои уста
Отвергнетъ устъ твоихъ святыня....

Таковъ восторженный поэтъ:
Онъ создаетъ себѣ кумиры,
Онъ льетъ на прахъ небесный свѣтъ
Для вдохновенныхъ пѣсенъ лиры!
Обыкновенной красоты
Его взыскательности мало;
Разгоряченныя мечты
Надменно просятъ идеала!

Вязьма 1835

ГЕНІЙ.

Кто этотъ чудный, подъ небомъ парящій,
Въ яркой для слабыхъ очей высотѣ,
Горній полетъ свой отважно стремящій
Къ непостижимой, далекой мѣтѣ?...
Всѣ мы взираемъ на облако съ низу —
Облако низшимъ подножьемъ ему!
Онъ совлекаетъ туманную ризу
Съ истинъ запретныхъ доселѣ уму.
Избранный Богомъ наставникъ народовъ,
Держитъ онъ небомъ дарованный ключъ;
Дивному въ сферѣ заоблачныхъ сводовъ
Путеводителемъ солнечный лучъ!
Онъ отмыкаетъ святилище свѣта —
Свѣтъ озаряетъ грѣховную тму;

Но, ослѣпленный, лишь очеркъ предмета
Взоръ отличаетъ, какъ будто въ дыму.
Что мы увидимъ!... судьбина ничтожныхъ,
Жребій вседневныхъ умовъ — слѣпота!
Сущность всѣхъ нашихъ догадокъ тревожныхъ,
Всѣхъ нашихъ свѣдѣній — мракъ и тщета.
Только любимцу святыхъ вдохновеній
Свыше удѣлъ предпочтительный данъ,
Только — сынъ міра и времени — геній,
Съ выспреннихъ истинъ сгоняетъ туманъ!

С. Петербургъ 1832.

Д.....Й.

Не отвращай своей головки милой,
Когда встрѣчаешь ты печальнаго меня;
Повѣрь, нигдѣ и ни съ какою силой
Не избѣжишь любовнаго огня.
Пусть уважаешь ты супруга,
Пусть ты нѣжна къ нему всей сердца полнотой;
Но и меня полюбишь ты, какъ друга —
Потокомъ чувствъ сольешься и со мной!
Не первой юности блестящими цвѣтами —
Румянцемъ щекъ да пламенемъ очей,
Ты овладѣла вдругъ и дней моихъ мечтами
И безмятежнымъ сномъ ночей;
Нѣтъ! этой думою роскошной и высокой,
Чуть обрисованной на облачномъ челѣ,

Ты сердце пронула глубоко,
Ты приковала вновь мечты мои къ землѣ...
И я не модными привѣтами тупыми
Да пошлымъ лепетомъ на языкѣ чужомъ
Потщуся овладѣть желаньями твоими,
И волею души, и сердцемъ, и умомъ! —
Нѣтъ, знаю средство я иное,
Чтобъ побѣдить, надменная, тебя! —
Но не тревожься, будь въ покоѣ:
Мой способъ побѣждать — есть побѣждать, любя!..

Пятигорскъ 1833.

ОБЛАКАМЪ.

Куда вы стремитесь, какъ по морю волны,
Летучія стаи сѣдыхъ облаковъ?
Чего эти нѣдра холодныя полны,
Дождей благотворныхъ иль ярыхъ громовъ?..
Крылатое войско небесныхъ владѣній,
Какъ сладостенъ взорамъ вашъ дивный полетъ!
Какою громадой гигантскія тѣни
На лоно земли онъ бросаетъ съ высотъ!
Носитеся тучи, толпитеся тучи!
И въ небѣ, расплавлены солнца лучёмъ,
Родите ударъ огневой и трескучій,
Разсыпьтеся въ дождь и порывистый громъ.

Пускай, утоляя прекрасной картиной
Несытыя очи и жажду мечты,
По вашимъ слѣдамъ, съ быстротою орлиной,
Свободной душей улечу въ высоты!!..

Москва 1836.

КАТЕНЬКѢ К....

Гдѣ ты нынѣ? что съ тобою?
Незабвенная моя!
Непріязненной судьбою
Не гонима-ли, какъ я?
Или жизнь тебѣ пирушка
Да веселая гульба,
Гдѣ, какъ нѣжная подружка,
Бережетъ тебя судьба?
Дай Богъ лучшаго! но то лишь
Мнѣ желательно узнать,
Часто-ль ты, душа, позволишь
Обо мнѣ воспоминать.

Пятигорскъ 1833.

ЦЫГАНСКАЯ ПѢСНЯ.

Перестань, отойди,
Старый мужъ, отъ меня;
У тебя ни въ груди,
Ни въ крови нѣтъ огня.

Холодитъ, а не жжетъ
Поцѣлуй старика;
Обойметъ, словно ледъ,
Старикова рука.

Говоритъ онъ — въ рѣчахъ
Молодечества нѣтъ;

Поглядишъ онъ — въ очахъ
Зашумаченный свѣтъ.

Съ нимъ и лѣшняя ночь
Пуще вѣка долга;
Отойди-же, мужъ, прочь —
Ты мнѣ хуже врага!

Самъ взгляни, посмотри,
Какъ мой парень хорошъ;
Онъ румянѣй зари,
Онъ на солнце похожъ!

Вотъ ему никогда
Не скажу я: не тронь!
Онъ не ледъ, не вода —
Весь онъ жаръ и огонь!

Обоймешъ-ли — отъ рукъ
Оживаетъ любовь;
Поцѣлуешъ-ли другъ —
Закипаетъ вся кровь!

Говоришь паренёкъ —
Рада слушать сто разъ;
Поглядишь — огонёкъ
Такъ и брызжетъ изъ глазъ!

Съ нимъ и зимняя ночь
Пролетаетъ, какъ мигъ:
Отойди-же ты прочь,
Непригодный старикъ!

Москва 1836.

ГРАЖДАНСТВО ГЕНІЯ.

Геній родится — не спорьте народы,
Края какого онъ истинный сынъ:
Онъ не отдѣльной страны гражданинъ —
Онъ гражданинъ безграничной природы!

С. Петербургъ. 1832

МОГИЛѢ

И. С. Писаревскаго, умершаго 1828 г. въ Булгаріи.

Добрый, чувствительный, радостный юноша!
Ты-ли крестомъ осѣненъ?
Ты-ли, цѣнившій даръ жизни столь дорого,
Жизни такъ рано лишенъ?
Кто изъяснитъ вѣковую таинственность
Мрачныхъ судьбины путей? —
Свѣту не преданный, смерти желающій,
Тщетно молюсь я о ней!
Ты-же довольный, счастливый, умѣренный,
Чуждый и призрака бѣдъ,

Созданный жить, въ долголѣтьи увѣренный,
Умеръ въ развитіи лѣтъ!
Страшно, мучительно было предчувствовать
Близость кончины тебѣ;
Нѣтъ! ты не вѣрилъ ея настиженію
Въ самой съ кончиной борьбѣ.
« Скоро здоровье и силы воротятся, »
Слабый языкъ лепеталъ;
Смерти страшившійся, мѣру страданія
Самъ отъ себя ты скрывалъ.
Даже въ то время, когда истощенную
Холодъ оковывалъ кровь,
Рѣчью несвязной еще выражалася
Къ жизни, къ земному любовь.
« Люди! держите... какъ душно заранѣе...
« Тамъ-ли жилище мое?...
« Дайте еще подышать мнѣ на воздухѣ...
« Яма!... Творецъ! не въ нее!... »
Такъ ты взывалъ, прерывавшимся голосомъ,
Мысля избѣгнуть конца;
Но приутихнулъ, вздохнулъ — и увидѣли
Блѣднаго мы мертвеца!...

Гдѣ-жь ты покоишься, жизни приверженецъ?
Гдѣ-же могила твоя?
Рдѣютъ-ли розы надъ нею роскошныя,
Вѣрный символъ бытія?
Или эмблема любви и невинности
Юныхъ, безоблачныхъ лѣтъ —
Гордость долины, красавица лилія —
Урны надгробной сосѣдъ?
Или на холмѣ изъ мрамора статуя
Плачетъ, склонясь на гранитъ?
Или злащенная надпись прохожему
Повѣсть твою говоритъ?...
— Нѣтъ ни цвѣточка, ни травки, ни рощицы
Близко могилы твоей,
И не манитъ проходящаго мраморный,
Въ память тебѣ, мавзолей.
Дико печальны степныя окрестности,
Мертвая въ нихъ тишина;
Смерть тамъ витаетъ на мшистыхъ развали-
нахъ,
Ужасовъ черныхъ полна.
Зданій обломки да кости погибнувшихъ

Жизни единственный слѣдъ,
Все истребили, иль гнѣвно разсѣяли
Громы недавнихъ побѣдъ.
Къ свѣжимъ руинамъ въ пустынѣ прославленной,
Съ близкой безплодной скалы,
Корму искать на землѣ окровавленной
Прежде летали орлы;
Ночью, украдкою, пищу послышавшій,
Бѣгалъ голодный къ нимъ волкъ, —
Нынѣ и птицы и звѣри исчезнули,
Крикъ ихъ надолго замолкъ. . . .
Вотъ, гдѣ ты спишь, неоплаканный юноша,
Крѣпкимъ, безвременнымъ сномъ!
Вотъ, гдѣ твой прахъ, обреченный забвенію,
Скрытъ подъ песчанымъ холмомъ!
Кто обновитъ этотъ холмъ обвалившійся
Въ дикой пустынѣ тѣхъ мѣстъ?
Кто приподыметъ, къ землѣ приклонившійся,
Вѣтрами вырытый крестъ? . . .

Кіевъ 1831.

РАЗЛУКА.

Куда ты несешься? — постой, погоди!
Дай мигъ у тебя отдохнуть на груди.
Я многіе вѣки, въ тяжелой борьбѣ,
Напрасно стремлюся въ объятья къ тебѣ.
А помнишь-ли время, когда я съ тобой
Былъ чѣмъ-то однимъ, нераздѣльно слитой?
Въ смѣшеніи дивномъ и свѣта и тмы,
Какъ мирно, какъ сладко покоились мы!
Но мощная воля насъ вдругъ развела,
И новую жизнь для томленья дала:
Мучительной вѣчности дальнымъ путемъ
Съ тѣхъ поръ другъ за другомъ, смѣняясь, идемъ;
Мы близки, но розны — и радости нѣтъ
Взаимно увидѣть взаимный привѣтъ!...

Когда ты въ обычной своей тишинѣ
И въ черной одеждѣ подходишь ко мнѣ,
Видна, безмятежная, ты не сама,
Но нѣкая тяжкая мнѣ полутма. —
Когда, безпокойный, въ свою череду,
На смѣну къ тебѣ я съ любовью иду —
Мой ликъ свѣтозарный бываетъ одѣтъ
Въ какой-то несносный тебѣ полусвѣтъ.
О, минетъ-ли срокъ ненавистной поры,
О, скоро-ль падутъ въ разрушеньи міры,
И съ трескомъ громовъ, при стенаніи грозъ,
Насъ вновь съединитъ благодатный хаосъ. . . .

Такъ утромъ, увидя бѣгущую тѣнь,
Взывалъ, приближаясь, томящійся день;
Но, внемля призывы, печальная ночь
Невольно спѣшила отъ милаго прочь. . . .
Въ мечтахъ я подслушалъ стонъ жалобный дня,
Глубоко, до сердца онъ тронулъ меня,
И, въ мысль погруженъ о всевластной судьбѣ,
Роптанье его примѣнилъ я къ себѣ.

За счастьемъ стремя неуспѣшный свой бѣгъ,
Не сходенъ-ли въ свѣтѣ со днемъ человѣкъ? —
Быть можетъ, въ холодномъ ничтожествѣ онъ
Безъ жизни былъ счастливъ, поверженный въ сонъ —
И, какъ предузнать! разрушенье міровъ
Ему возвратитъ это счастіе вновь. . . .

Померкни-же, солнца нерадостный свѣтъ,
Сплетитеся въ узелъ, орбиты планетъ,
Столпитесь, міры, въ необъемлемый шаръ
И съ трескомъ родите всемѣстный пожаръ,
Чтобъ рухнулъ вселенной безмѣрный колоссъ —
И смертному счастіе отдалъ хаосъ.

Москва 1836.

НОЧЬ НА БЕРЕГУ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Ночь хладна и черна и не свѣтитъ луна;
Ураганъ, порываясь, воетъ;
Глубина взмущена, и сѣдая волна
Берега подмываетъ и роетъ.

Стонетъ громъ и кругомъ, въ небосводѣ сѣдомъ,
Разъяренныя молніи блещутъ;
Какъ ведромъ, какъ со льдомъ обливаетъ дождёмъ;
Дерева и скрипятъ и трепещутъ.

Ни людей, ни звѣрей на пространствахъ степей, —
Все укрылось отъ генія брани;
Слѣдъ за ней — рядъ костей, пепелища огней
И обломки разрушенныхъ зданій.

Я одинъ межь рупнъ сихъ могильныхъ равнинъ
У раскаша широкаго моря,
Да Эвксинъ — исполинъ — гложетъ пяшы стремнинъ,
Завываніемъ стону ихъ вторя....

Не могу, не могу ночевашь на брегу,
Ополченной грозою стихіи;
Убѣгу, убѣгу.... но куда убѣгу? —
Я далекъ отъ спокойной Россіи.

Кистенджи 1829.

ЖИЗНЬ.

Блистательна, исполнена движенья,
Земная жизнь безпечности кумиръ;
За пиромъ въ слѣдъ она заводитъ пиръ —
И такъ летятъ крылатыя мгновенья.

Но посреди ушѣхъ и развлеченья,
Кто не страдалъ, кто не былъ духомъ сиръ?
Кто здѣсь вполнѣ вкусилъ душевный миръ,
И знаетъ рай прямаго наслажденья?

Увы! никто. И такъ, о человѣкъ!
Остерегись проматывать свой вѣкъ
По прихоти, по грѣшному желанью;

Храни его, работая въ тиши
Для истины, для сердца и души:
Есть лучшій міръ за жизненною гранью!

С. Всесвятское 1835.

РОМАНСЪ.

Я былъ въ сторонѣ величавыхъ пустынь
И лозъ виноградныхъ и жара,
Гдѣ свѣтлаго неба воздушная синь
Прозрачнѣй стекляннаго шара.

Тамъ чудная дѣва ласкалась ко мнѣ
Въ тиши восхитительной ночи;
Я помню блистали, какъ будто въ огнѣ,
Ея лучезарныя очи.

Въ невнятныхъ словахъ выражала она
Любви непорочной привѣты,

И жадно ловила, вниманья полна ,
Мои огневые обѣты.

Потеряны звуки! но поняли мы
Младыми сердцами другъ друга ,
И вѣкъ не забыть намъ сѣдой полутмы
Той ночи прекраснаго Юга.

На память о ней мнѣ отъ шелка волосъ
Отрѣзала дѣва косичку,
И сердце мое незамѣтно сжилось
Въ горячую съ нею привычку.

Я часто, понынѣ, смотрю при лунѣ
На этотъ плѣнительный локонъ ,
И трудно отъ устъ оторвать его мнѣ,
Доколѣ въ слезахъ не измокъ онъ. . . .

Верея 1835.

КОРОВА.

Ужь много пѣто про коня –
Не скажешь новенькаго слова;
Но, какъ нарочно, для меня
Въ забвеньи брошена корова. –

А чѣмъ она не хороша,
И какъ не стоитъ пѣсни модной? –
У ней предобрая душа
И умъ хозяйственно-пригодной.

И такъ, скорѣе, безъ хлопотъ
И безъ дальнѣйшихъ предисловій,

Я воспою не знатный родъ,
Но добродѣтельный — коровій.

Я стану пѣть не высоко,
Я пѣсню истиной украшу:
Даютъ коровы молоко,
Смѣтану, сыръ и простоквашу.

Изъ мяса ихъ бульонъ варимъ,
Готовимъ лакомыя блюда...
Чего-жь еще отъ нихъ хотимъ? —
Вѣдь не осьмаго-жь въ мірѣ чуда!

Вздымая пыль, ретивый конь
Несется по полю игриво,
Лишь изъ ноздрей валитъ огонь,
Да вѣтеръ машетъ длинной гривой!...

Видъ флегматическій храня,
Глядитъ коровушка на скачку;

Смѣшна ей эта бѣготня —
Она жуетъ спокойно жвачку.

И дѣло! лучше безъ проказъ;
Къ чему бѣситься попустому?
Полезнѣй, право, во сто разъ
Зарыться въ мягкую солому.

Корова истинный мудрецъ,
Она часовъ своихъ не тратитъ,
И я счастливъ ея пѣвецъ —
Она мнѣ сливками заплатитъ!

С. Петербургъ 1833.

Ш — Й.

Когда, отъ скуки, ваши глазки
Страничку эту посѣтятъ,
Пускай, съ привѣтомъ прежней ласки,
Васъ мысли въ прошлое умчатъ.
Ахъ, пусть вамъ, милая, сгрустнется,
И въ чуткой сердца глубинѣ,
Едва чувствительно сберется
Вздохъ нѣжный, посвященный мнѣ.
А я... но нужны-ль увѣренья? —
Любовь порукой за меня —
И тихой ночи сновидѣнья,
И думы суетнаго дня,

Всѣхъ чаще вамъ отнынѣ стану,
Въ краю далекомъ, посвящать,
Чтобъ сердца муку, сердца рану
Симъ сладкимъ ядомъ врачевать.

Коломна 1834.

ВОСПОМИНАНІЕ

На полѣ Кулевчинскаго сраженія.

Куда ты примчался, ретивый мой конь!
Мнѣ что-то всѣ виды знакомы;
Не здѣсь-ли сверкали булатъ и огонь,
Не здѣсь-ли носился громы?
Я помню тѣхъ горъ каменистый хребетъ,
На скатѣ рупны селенья,
Рядъ тополей, бѣлый близъ нихъ минаретъ
И крѣпость въ дыму отдаленья. . .

Стой, борзый! узналъ я! крутая скала
И холмы сіи незабвенны;

Потоками Русская кровь здѣсь текла —
И ею они мнѣ священны.
Кто палъ, въ грозный день, на раскатахъ сихъ мѣстъ,
Среди восклицаній и стона,
Тому на могилу не нуженъ былъ крестъ —
Надъ нимъ развѣвались знамёна!
Онъ съ чуждой страною свой прахъ помирилъ,
Оставивъ ей подвигъ свой ратный;
Онъ жертвою жизни навѣчно купилъ
Безсмертія даръ благодатный.

Насъ было немного, но славу любя,
Правдивою местью пылая,
Отважно несли мы на гибель себя,
Отечества миръ искупая.
Въ кого здѣсь проникнулъ презрительный страхъ? —
Всѣ дрались, какъ нѣкогда дѣды!
Всѣ вѣрили: свыше Податель всѣхъ благъ
Даруетъ намъ лавры побѣды.

Съ такою отвагой и съ вѣрой такой
Мы стали стѣной непробитной;
Напрасно противники длинной толпой,
Со злобой своей ненасытной,
Въ неистовствѣ лютомъ на наши ряды
Съ высотъ безпрерывно стремились,
Мы крѣпко держались — и кровью слѣды
Враговъ отступившихъ багрились.
Но снова они нападали на насъ,
И Русское войско рѣдѣло;
То вдругъ отступали опять, и не разъ
Казалось окончаннымъ дѣло;
Но бой обновлялся, кипѣла борьба
И слышались вопли и стоны,
И, съ градомъ чугуннымъ, ревѣла пальба,
И грозно сшибались колонны...
Дымъ пороха синій лежалъ пеленой
Надъ полемъ губительной сѣчи;
Сливался глухо и крикъ боевой,
И ржанье, и визги картечи.
Примѣтно насъ менѣе стало числомъ,
Примѣтно мы въ силахъ слабѣли;

Но твердость и духъ не упали ни въ комъ —
Всѣ храбро стремилися къ цѣли.

И долго еще смертоносный металлъ
Въ насъ мѣдныя жерла кидали,
И долго громъ боя еще грохоталъ
И пороха вспышки блистали.
Какъ тучи на праздникъ грозы и громовъ,
Восходящъ изъ безднъ небосклона,
Стекалися рати несмѣтныхъ враговъ
На пиръ кроволитья и стона!
Все болѣе ихъ становилось вкругъ насъ,
Все менѣе насъ оставалось;
Но выбытье мертвыхъ, въ рѣшительный часъ,
Отвагой живыхъ награждалось!
И тщетно отрядъ за отрядомъ сходилъ
Въ долъ битвы изъ хитрой засады,
И тщетно гнѣвъ вражескій плѣнныхъ казнилъ,
И мучилъ при насъ безъ пощады:
Сбираясь толпой подъ свои бунчуги,
Мечами въ размахахъ блистая,

Холодные трупы терзали враги,
Неистовство злое пиная;
На прахъ обагренный катились главы,
Кровь страшно лилася ручьями,
Покрылося поле, наполнились рвы
Увѣчныхъ и мертвыхъ тѣлами; —
Напрасно! Россіянъ ничто не страшитъ,
Стоятъ подъ огнемъ, какъ твердыня,
Какъ твой неколеблемый, чудный гранитъ,
Кулевчи сожженной пустыня!

Но вотъ взволновался дружно полки,
Какъ море предъ ярой грозою,
Вотъ круто поникли стальные штыки,
И двинулись къ новому бою!
Трикратно надъ ними взревѣло *ура*,
Ала Мусульманъ заглушило;
Трикратно отъ рева вздрогнула гора,
И эхо его повторило. . . .
Грудь съ грудью два грозныя войска сошлись,
Стеня напряглись раменами,

Какъ соколъ съ орломъ во враждѣ обнялись
Могучими оба крылами;
Взаимно пронзаютъ и рѣжутъ и рвутъ,
Колеблютъ и ломятъ и клонятъ....
Но вотъ, рѣшено! Мусульмане бѣгутъ,
Вотъ Русскіе быстро ихъ гоняютъ,
И тамъ, у опушки нагорныхъ лѣсовъ,
За тѣми хребтами граница,
Настигнули снова бѣгущихъ враговъ —
И гордая Порта побита!

Ликуетъ побѣда! — Весь вражескій станъ,
Всѣ грозныя въ немъ ихъ баштареи,
Полкъ забранныхъ въ плѣнъ, бунчуги Мусульманъ —
Составили наши трофеи!
Когда-же стеклись мы для отдыха въ долъ
И смолкла прихода тревога,
Сложивъ изъ нѣмыхъ барабановъ престолъ
Предъ ними молили мы Бога.
За славу побѣды, за миръ и покой

Оставшихся жертвами въ битвѣ,
Смиренно и набожно, стихнувшій строй
Къ Творцу возносился въ молитвѣ. . . .

Такъ подвигъ увѣнчанъ! Но что-за холмы
Въ долинѣ скрываютъ туманы? . .
Туда собирались, тамъ плакали мы —
То падшихъ Россіянъ курганы.
Покойтеся, брашья! смерть ваша славна!
Защитникамъ Русскаго края
Наградой земной благодарность одна,
Небесной — всѣ радости рая!

Янибазаръ 1829.

БЮСТУ ПУСТЯКОВА.

Прекрасный бюстъ!
Потрафленъ мастерски въ лицѣ, въ самой фигурѣ,
И даже пустъ —
Лишь въ подражаніе натурѣ!

С. Петербургъ 1832.

ПРИЗЫВЪ.

Смуглощекая, младая,
Черноокая, живая,
Подойди ко мнѣ. —
Злорѣчивая вѣщунья,
Прихотливая шалунья,
Подбѣги ко мнѣ.

Распахнувъ свои объятья,
И прильнувъ на волны плашья,
Обовью тебя;
Истомленный ожиданьемъ,
Усладительнымъ лобзаньемъ
Изопью тебя!....

Легче ласточки вострушки,
Легче бабочки пеструшки
Поднялась она;
Чуть ступивъ на эти крошки –
Чуть вскочивъ на эти ножки
Принеслась она.

И поникнула головкой
Съ восхитительной снаровкой
На груди моей;
И не пикнула злодѣйка,
Какъ цѣлуемая шейка
Вдругъ зажглась у ней!

Верея 1835.

ДУША.

Минутная гостья непрочнаго тѣла —
Душа погоститъ и покинетъ его;
Но кто эта гостья, куда улетаетъ? —
Вотъ тайна, которой ни кто не рѣшитъ.
«Исчезнетъ» мнѣ скажетъ безвѣрный невѣжда,
Но что исчезаетъ? спрошу я его:
Все новый лишь образъ въ натурѣ пріемлетъ,
Въ ничто превращенья не терпитъ она!
И ты-ли, прекрасное Бога созданье,
И ты-ли исчезнешь, какъ призракъ, душа?
Нѣтъ, все говоритъ мнѣ и все убѣждаетъ,
Что есть за могилою новая жизнь.

С. Петербургъ 1833.

МОИ ПОЛУНОЧНЫЯ МЫСЛИ.

На колокольнѣ бьетъ часъ тихой полуночи,
И вотъ замолкъ въ дали послѣдній томный бой.
Пора, пора ко сну, не ясно смотрятъ очи
И тѣло просится на сладостный покой.
Прими меня, постель, въ пуховыя объятья,
Дай позабыть мнѣ день и всю его тщету:
Заботы грѣшныя, ничтожныя занятья
И жизни горькую въ прекрасномъ нищету.
Все позабуду я! увы, лишь до разсвѣта,
А много до зари, до солнечныхъ лучей;
Другимъ отрадная, тяжка мнѣ дума эта —
О, ночь! будь для меня послѣдней изъ ночей.
Но какъ! оставишь свѣтъ; разстаться съ нимъ навѣчно;

Ступить на новый путь безвѣстный впереди!..
Какой незапный стонъ возникъ въ тиши сердечной? —
Какой холодный страхъ подъемлется въ груди?...
Страданьемъ измѣрять ходъ времени свинцовый,
За мигъ веселія годами бѣдъ платить,
Нести земную жизнь, какъ бремя и оковы,
Изнемогать подъ ней — и все еще любить!! —
Кто разгадаетъ мнѣ таинственную склонность?
На чудный этотъ мракъ, кто разольетъ мнѣ свѣтъ?
Философъ, ницъ свою надменную учёность!
И съ кротостью скажи: молитва мой отвѣтъ.
Иль, можетъ быть, душа, страшась уничтоженья,
Заранѣ чувствуя смерть вѣчную свою,
Предпочитаетъ ей цѣпь долгаго томленья —
Предпочитаетъ жизнь и плачь небытію.
Не быть! — не знать, чѣмъ былъ; не ожидать, чѣмъ будешь;
Не вѣдать сущаго — вотъ истинный покой!

О, если это казнь, къ которой ты осудишь
Рази, судьба!—я самъ склоняюсь предъ тобой...
Но кто порукой мнѣ, что за предѣломъ гроба
Духовнаго меня не ждетъ готовый адъ? —
Что не расплавлена огнемъ его утроба,
Чтобъ вѣчно жечь меня и лить на раны ядъ?
Я содрагаюся... но Богъ! но покаянье!
Но благости Творца неистощимый токъ!
Нѣтъ; вѣра шепчетъ мнѣ: не вѣчно наказанье
За грѣхъ безъ умысла и временный порокъ. —
Она мнѣ говоритъ своимъ священнымъ словомъ:
Окончивъ дольный путь, покинувъ бренный свѣтъ,
Духовной жизнью ты воскреснешь въ мірѣ новомъ,
Запрещномъ для земныхъ и горестей и бѣдъ.

Прими-жь меня, постель, въ пуховыя объятья,
Дай думы загасить съ огнемъ моихъ свѣчей;
А ты, о ночь, внемли моленья и заклятья —
Будь въ грѣшномъ свѣтѣ мнѣ послѣдней изъ ночей.

Пятигорскъ 1833

СМЕРТЪ.

Зачѣмъ вы смерть изобразили
Съ опустошительной косой?
Не все-ль въ природѣ и не вы-ли
Отъ ней пріемлете покой?

Она предѣлъ мірскихъ усилій,
Конецъ превратности земной,
Нашъ путь изъ дольной тмы и пыли
На лона Бога, въ міръ иной!

Украсьте миртовою вѣткой,
Плача признательности дань,
Ея спасительную длань:

Въ земныхъ страданіяхъ нерѣдко
Смягчаемъ горе мы свое
Надеждой вѣрной на нее.

Верея 1835.

ОТВѢТЪ ЭХА.

Сосѣдъ ходилъ къ намъ чрезъ кладбище,
И каждый разъ съ собой малютку сына бралъ.
Откройся мнѣ, дружище,
Въ веселый часъ ему однажды я сказалъ,
Зачѣмъ ты къ намъ всегда берешь съ собой
Петрушу?
Онъ промолчалъ;
Но эхо за него мнѣ отвѣчало — «трушу!»

Мирополье 1823.

НАДЕЖДА.

Всѣ люди мечтаютъ про свѣтлые дни,
Грядущее ключъ ихъ веселій;
Всѣ, другъ передъ другомъ, стремятся они
Къ далекой блистательной цѣли;
Уносится время и вновь настаетъ,
А смертный, надѣясь, все лучшаго ждетъ.

Съ надеждою отрокъ является въ свѣтъ,
Она развиваетъ въ немъ силу;
Надеждою мужъ благодатно согрѣтъ;
Старикъ съ ней отходитъ въ могилу —
Окончая свой трудный, томительный путь,
Покоитъ онъ ею тревожную грудь.

И такъ, не зовите ея вы мечтой,
Рожденной мозгами невѣжды! —
«Есть лучшая жизнь за юдольной чертой»
Намъ шепчетъ гласъ чистой надежды:
Гласъ эпохъ, возникшій въ сердечной тиши,
Въ обманъ не введетъ ожиданій души.

Пятигорскъ, 1833.

Б — У.

(при первомъ изданіи его стихотвореній)

Привѣтствую тебя! ты въ свѣтъ
Несешь плоды своихъ мечтаній.
Стяжай, любезный мой поэтъ,
Согласный гулъ рукоплесканій.
Пусть восхищаются тобой,
Наперерывъ тебя читаютъ,
И лавръ для Музы молодой
Въ вѣнки нетлѣнные сплетаютъ!

Но, если зависти змѣя
Тебя неправдою ужалитъ
Иль злоба хитрая похвалитъ,
Свой черный умыселъ шая, —

Не огорчайся ! хладнокровно,
Съ презрѣньемъ выпей этотъ ядъ:
Душѣ высокой безусловно
Кривые толки не вредятъ.
Пускай шипитъ гортань коварной,
Презрѣнной, низкой клеветы,
Ей не достичь до свѣтозарной
Думъ вдохновенныхъ высоты!
Поэта міръ ушелъ далёко
Отъ міра челяди земной,
И оградился тамъ широко
Священной истины стѣной!
Лишь добродѣтели открыты
Его завѣтныя врата,
Гдѣ слава, честь и правота
Стоятъ на стражѣ для защиты.

Благословляю-жь твой восходъ
На горизонтъ для Музы новый,
И сердцемъ радуюсь впередъ
За свѣтлый день тебѣ готовый.

Вѣрея 1835

ВѢРА.

(изъ Ламартина).

Ничтожество, одно, что въ жизни постижимо,
Одно, что въ будущемъ для насъ неотвратимо —
Зачѣмъ исторгнулъ я изъ хладныхъ нѣдръ твоихъ?
Какимъ глубокимъ сномъ покоился я въ нихъ!
Въ забвеньи вѣчномъ тамъ я спалъ-бы и понынѣ,
Не зналъ-бы горестей и бѣдъ въ земной пустынѣ,
Тамъ не былъ-бы въ твою ночь долгую мой сонъ
Ни пробужденіемъ, ни грезою смущёнъ.

— Но я рожденъ; и такъ, родиться было должно.
Почто отвергнуть жизнь мнѣ было не возможно!
Напрасная печаль! я призванъ въ бытіе,
Внемлите-жь, небеса, роптаніе мое!

— Однако, не таю, румяная аврора,
Пространство дивное, открытое для взора,
Рожденье чудное понятьямъ существа,
Идея первая о власти Божества,
Восторги темные, роскошныя надежды —
Въ началѣ бытія обворожаютъ вѣжды.
Привѣтствую-жь тебя, златой свѣтильникъ дня,
Къ которому судьба забросила меня, —
Свидѣтель будущій моихъ благополучій,
О солнце, естества благотворитель лучшій!
Тебя, небесный сводъ, гдѣ скрытъ твой зодчій, Богъ!
Міръ — колыбель мою и пышный мой чертогъ!

Тебя, о твердый мужъ, дарованный мнѣ въ братство!
Тебя, о женщина, души моей богатство!
Привѣтствую васъ всѣхъ — изренія красу!
Всѣ выполняйте долгъ, я сердце вамъ несу...

— Какъ свѣтелъ этотъ сонъ! но, ахъ! онъ сновидѣнье;
Очаровалъ на мигъ, и кончился въ мгновенье.
Скорбь отверзаетъ мнѣ могилы тихой сѣнь:
Привѣтствую тебя послѣдній, лучшій день!

Я жилъ; я перешелъ степь жизни опустѣлой,
Гдѣ подъ пятой моей все вянуло и тлѣло;
Гдѣ упованія мой умъ всегда влекли,
Маня ко счастію — лжесущему вдали;
Гдѣ смерти алчущей явленье роковое
Губило близъ меня все сердцу дорогое.
Другой пускай, въ тоскѣ безплодной и сухой,
Дни прошлые зоветъ изъ вѣчности глухой,

Оплакиваетъ срокъ весны своей пріятной
И былъ-бы радъ прожить на свѣтѣ вѣкъ двукрашной;
Что до меня, пусть рокъ отдастъ на выборъ мой
Престолы царскіе, клинокъ славы вѣковой,
И мудрость, и красу, и честь, и горы злата,
И генія вѣнецъ, и юность безъ закала —
Клянуся смертію, въ подобномъ мірѣ я
Отринулъ-бы и день продленья бытія.
Къ чему мнѣ жизнь, гдѣ все непрочно и превратно,
Все истощается, проходитъ невозвратно,
Гдѣ тускнетъ даже умъ подъ ржавчиною лѣтъ,
Гдѣ дню счастливому дня завтрашняго нѣтъ.

— Лишь по страданіямъ, познавъ существованье,
Я часто изгонялъ изъ сердца упованье!
О, сколько разъ мой духъ, ихъ тяжестью убитъ,

Напрасно прибѣгалъ къ холодности подъ щитъ,
И, суемудрствуя, предполагалъ ничтожной
Безсиліе прикрыть безчувственностью ложной!
Въ суровый мракъ ея однажды погружёнъ,
Чтобы найти покой, молилъ забвенья онъ.

— Обманчивый покой! — онъ грустенъ и печаленъ,
Какъ шамъ, гдѣ Римъ встаетъ изъ нѣдръ своихъ развалинъ,
Гдѣ изумляяся, въ смѣшеньи видитъ взглядъ
Гробницы древнія, оплотовъ новыхъ рядъ;
Театры гордые, въ прахъ падшіе главою,
Почившіе на немъ пль скрытые травою;
Дворцы богатые, одѣвшіеся въ плющъ;
Безсмертный обелискъ сосѣдомъ бѣдныхъ кущъ;
Колонны новыхъ формъ и видовъ чужестранныхъ;
Боговъ, извержениыхъ изъ храмовъ ихъ, попранныхъ;

Среди могилъ цѣты; на торжищахъ трату;
Другіе алтари — другому Божеству!
И, гдѣ лишь изрѣдка живаго содроганье
Смущаетъ мертваго могильное молчанье.

Вотъ, послѣ долгихъ бурь, покой души такова!
Гоненьями нашъ умъ разруша до основъ,
Несчастіе его въ руины превращаетъ
И безнадежность въ нихъ со злобой воцаряетъ!
Воспоминанія, раскаянье, грѣхи,
Остатки отъ страстей, какъ отъ борьбы стихій,
Угасшихъ чувствъ хаосъ въ безжизненномъ волненьи,
Желанья, помыслы въ разстроенномъ бореньи,
Укоры совѣсти, грызущіе въ тиши —
Хоть въ этомъ былъ-бы знакъ скончанія души! —
Но и въ развалинахъ, одинъ средь пепелища,
Нашъ духъ безкормный живъ — онъ самъ себѣ
есть пища;

Изъ пепла своего раждается онъ вновь
И станетъ пламенѣть за рубежемъ гробовъ.

— Кто-жь ты, душа? огонь небеснаго возженья,
Ты съ тѣломъ не умрешь! не кончены томленья!
Что будешъ, чудный гость? покинувши меня,
Не воспаришь-ли ты ко пламеннику дня?
Быть можетъ, искра ты иль лучъ его заблудшій,
Которому онъ путь предназначаетъ лучшій;
Быть можетъ, отдѣлясь отъ тѣла моего,
Ты мыслящій атомъ, ничтожный безъ него, —
Ты пыль живущая иль сокъ растеній праха..
Но что? при сихъ словахъ трепещешь ты онъ страха;
Боясь ничтожества и утомясь терпѣть,
Увы! страшишься ты и жить и умереть.

— Кѣмъ будетъ рѣшена святая тайна эта?
Напрасно я внималъ сказанью мудрыхъ свѣта:

Сомнѣнья шмятъ и ихъ высокіе умы,
Они составлены изъ праха, какъ и мы!
Свѣтъ древней мудрости собравъ въ свой умъ державной,
Сократъ ее рѣшалъ въ своей отчизнѣ славной,
О ней мечталъ Платонъ, — промчались сонмы лѣтъ —
Мечтаю нынѣ я, но все предѣла нѣтъ!
Еще пройдутъ вѣка, и смертныхъ поколѣнья
Все будутъ странствовать во мракѣ заблужденья;
Отъ взоровъ истина скрывается въ ночи,
Лишь Богъ одинъ въ Себѣ связалъ ея лучи.

— И такъ, когда навѣкъ смыкаться будутъ вѣжды
Ихъ не утѣшитъ блескъ живительной надежды,
Душа, блуждавшая на свѣтѣ, какъ призракъ,
Изъ мрака бытія сойдетъ въ могильный мракъ;
И, кончивъ здѣсь мой путь, я буду пожранъ бездной
Со тщетной благостью и съ грустью безвозмездной.

Отвѣтствуй мнѣ, злой рокъ! самъ не далъ-ли
ты правъ,
Когда ты не мечта, порочишь твой уставъ?
Наемникъ спитъ въ тѣни, окончивъ день ра-
бочій
И плату должную онъ получаетъ къ ночи;
А я, твоимъ ярмомъ согбенъ и удрученъ,
Когда прошелъ мой день, я — смертью награ-
жденъ.

. . . . . .

. . . . . .

— Но между тѣмъ, какъ я преслѣдуемъ со-
мнѣньемъ,
Произношу хулы съ преступнымъ дерзновень-
емъ,
Вдругъ Вѣра, пробудясь, какъ мысль прошед-
шихъ лѣтъ,
На будущность мою бросаетъ чудный свѣтъ;
У гроба мнѣ она въ грудь проливаетъ сладость,
Преклоннымъ днямъ моимъ внушаетъ духа мла-
до ть.
Въ божественныхъ лучахъ свѣтильника ея
Съ зачала моего иду къ восходу я;

Объемлю въ мигъ одинъ племенъ людскихъ судьбину,
Въ грядущемъ сущаго я нахожу причину;
Вездѣ плѣняютъ взоръ союзъ и красота;
Надежда, скрывъ за мной ничтожества врата,
И новый міръ язивъ душѣ воспламененной —
Рѣшаетъ смертью мнѣ загадку жизни тлѣнной.

Согрѣтый Вѣрою, близъ гроба я стою,
Но помню свѣтъ ея на колыбель мою.
Наслѣдство вѣчное земли обѣтованной,
Она дошла до насъ изъ древности туманной.
Ее пріемлетъ умъ съ младенческой поры,
Какъ жизнь и солнца блескъ—сладчайшіе дары;
Какъ пища для души, ея святая сила
Съ устъ матери намъ въ грудь отъ дѣтства низходила;
Намъ въ утро нашихъ лѣтъ къ ней склонность внушена;
Въ сердца людей уму предшествуетъ она.
Ребенокъ, изъ пеленъ едва освобожденный,
Лепечетъ сбивчиво символъ ея священный,

И чувствуетъ, всходя незримо съ каждымъ днемъ,
Что съ добродѣтелью растетъ и Вѣра въ немъ.

Ахъ, еслибъ истина была звѣздой земною
Не крылась-бы она подъ мрачной пеленою;
Она-бы съ Вѣрою, отъ самыхъ юныхъ лѣтъ,
Лила на разумъ нашъ свой благодатный свѣтъ;
Какъ ясные лучи небеснаго свѣтила,
Отъ дѣтства-бы она къ намъ въ душу низходила;
Любовь была-бы ей въ сердца проводникомъ;
Все озарялось-бы благимъ ея лучёмъ.
Подобно сѣмени до наступленья лѣта,
Въ насъ долго-бы она всходила до разцвѣта,
Ко времени-жь, когда нашъ бурный вѣкъ пройдётъ,
На ней-бы созрѣвалъ святой безсмертья плодъ.

Свѣтило чудное! иныхъ міровъ лампада,
Разсѣй предъ смертью мракъ тускнѣющаго взгляда!

Изъ нѣдръ Всевышняго отрадный лучъ сойди!
Звѣзда спасенія возстань въ моей груди!
Увы! ты все мое; у входа въ тму могилы
Тмѣ предали меня всѣ умственныя силы;
Разсудокъ гордый мой въ кипеніи упалъ
И, вмѣстѣ съ жизнію, у гроба гаснуть сталъ.
Блѣсни небесный свѣтъ! тяжка моя утрата —
Даруй мнѣ вѣчный день безъ облакъ и заката;
Будь вмѣсто солнца мнѣ, взятаго навсегда,
И въ небесахъ сіяй, какъ вечера звѣзда.

С. Петербургъ 1832.

ЗАГАДКА.

На безпредѣльномъ полѣ бродятъ
Стада овецъ бѣлѣй чѣмъ снѣгъ;
Ихъ нынѣ тѣми-же находятъ,
Какъ зналъ ихъ первый человѣкъ.

Онѣ живутъ и не старѣютъ,
Поимы вѣчнымъ родникомъ;
И пастуха стада имѣютъ
Съ крутымъ серебрянымъ рожкомъ.

Отъ вратъ златыхъ онъ ихъ гоняетъ,
Онъ ихъ считаетъ въ тмѣ ночей;

И не терялъ и не теряетъ
Онъ ни одной овцы своей.

Надежный песъ ему оградой,
Овенъ веселый тѣшитъ духъ:
Скажи, какое это стадо?
И назови мнѣ, кто пастухъ.

Кисловодскъ 1833.

ДВА ПОЭТА.

(посвящается Б — у).

Разступися, Парнассъ!
Нѣтъ-ли мѣста для насъ?
Мы поэты!
Насъ пугнула бѣда —
И бѣжали сюда
Мы отъ Леты.

Холодна и вредна
Роковая волна
Этой рѣчки;
Мы рѣшили, что въ ней

Ядовитѣе змѣй
Струй колечки.

Пріюти насъ, Парнассъ!
И уважь этотъ гласъ
Умоленья;
Наши думы хранятъ,
Наши трубы звучатъ
Пѣснопѣнья!

Разступился Парнассъ
И очистилъ для насъ
Два мѣстечка.
Нынѣ звучно трубя,
Не боимся тебя,
Злая рѣчка!

Пятигорскъ 1835

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

(изъ Лорда Байрона).

Напѣнимъ стаканы и выпьемъ, друзья!
Не помню, когда-бы такъ веселъ былъ я.
Такъ выпьемъ-же дружно! Кто прочь отъ стакана,
Когда въ немъ одномъ нѣтъ на свѣтѣ обмана?

Всѣ жизни дары испыталъ я не разъ;
Пылалъ отъ лазурныхъ и огненныхъ глазъ.
Любилъ я. Но кто не позналъ этой страсти
И съ нею не дожилъ до бѣдъ и несчастій?

Въ прекрасные годы, какъ сердце въ веснѣ,
И вѣруетъ въ дружбу прямую вполнѣ —
Имѣлъ я друзей. Ихъ находитъ и каждой:
Но прочь! съ ненадежною къ дружеству жаждой.

Всему перемѣнчивымъ быть суждено;
Всегда одинаково ты лишь, вино!
Ты только старѣешь. Старѣемъ мы тоже;
Но съ лѣтами кто здѣсь, какъ ты, все дороже?

Когда мы въ любви на вершинѣ всѣхъ благъ,
Преслѣдуютъ насъ безпокойство и страхъ;
Мы къ тѣни ревнуемъ. Всѣ также ревнивы;
Виномъ лишь, безъ ревности, люди счастливы.

Окончивъ разгульную жизни весну,
Разсчетливо мы прибѣгаемъ къ вину
И учимся, — какъ не учиться? всякъ знаетъ,
Что истина только на днѣ обитаетъ.

Едва лишь открыли Пандоринъ ларецъ,
Всѣ радости міра постигнулъ конецъ...
Осталась надежда; но что намъ въ надеждѣ?
Мы пьемъ — и владѣемъ блаженствомъ, какъ прежде.

Расти-жь да красуйся, златой виноградъ!
Гоповя намъ къ старости влагу отрадъ;
По смерти-же нашей, Юпитеръ и въ небѣ
Велишь насъ поподчивать нектаромъ Гебѣ.

Верея 1835.

РАЗДѢЛЪ ЗЕМЛИ.

Возмите свѣтъ, воскликнулъ съ небо-
сводовъ
Благой Зевесъ ко племенамъ людскимъ,
Да будетъ онъ наслѣдьемъ вашихъ родовъ,
Лишь братски подѣлишесь имъ.

И всѣ спѣшатъ устроиться по волѣ,
Всѣ въ хлопотахъ, бѣгутъ и старъ и младъ;
Орапаи отмежевали поле,
Охотникъ — лѣсъ, садовникъ — садъ.

Купецъ набилъ товаромъ кладовыя;
Любитель винъ забралъ вездѣ вино;

Король обвелъ границы круговыя,
И объявилъ: все мнѣ дано!

Но послѣ всѣхъ, ужь поздно по разборѣ,
Пришелъ поэтъ, промедлившій вдали:
Увы! кому войдти въ чужое горе? —
Былъ взятъ послѣдній клокъ земли!

Такъ я одинъ забытъ при надѣленьи,
Одинъ лишь я, кѣмъ вы всѣхъ болѣ чтимъ!
Такъ онъ взывалъ къ Зевесу въ огорченьи,
И на колѣна палъ предъ нимъ.

Возстань, рекъ Богъ, не бывшій на раздѣлѣ
Виновенъ самъ, когда участка нѣтъ.
Но гдѣ, скажи, промѣшкалъ вы доселѣ?
Богъ! у тебя, сказалъ поэтъ.

Къ твоимъ звѣздамъ прильнулъ мой взоръ плѣненный,
Твоимъ громамъ мой жадный слухъ внималъ;
Прости! святымъ восторгомъ упоенный,
Я часть земную потерялъ.

Сонъ поздній твой, Богъ возразилъ, напрасенъ:
Ужь не мои ни поле, ни лѣса.
Но если ты со мною жить согласенъ,
Тебѣ отверзты небеса.

Пятигорскъ 1833.

СЛАВА.

Всѣ люди жадно ищутъ славы,
И всѣ не знаютъ ей цѣны:
Для ней сражаются державы
Борьбою грозною войны;
Для ней работаетъ ученый,
Уединяся въ кабинетъ;
Для ней возносится поэтъ,
Какъ будто жизнью огорчённый,
Въ небесный край, въ роскошный свѣтъ!—
Короче, всякій занятъ славой
И къ ней желанья устремилъ,
Какъ будто бѣшеной отравой
Міръ цѣлый демонъ опоилъ.

Что-жь эта слава? — шумъ народа,
Толпы людей нестройный гласъ,
Воспоминанія о насъ,
По смерти нашей, два, три года —
И только.... Нѣтъ! мнѣ жаль трудовъ,
Мнѣ жаль для этого порывовъ,
Хотя-бы тысячи годовъ
Я могъ прожить въ пыли архивовъ!

Москва 1835.

ПИСТОЛЕТЪ.

Желѣзо, дерево, кремень —
Вотъ всѣ въ немъ составныя части;
Но иногда онъ, въ черный день,
Спасти насъ можетъ отъ несчастій!
Онъ можетъ наказать порокъ,
Быть должной карой вѣроломству,
Дать поучительный урокъ
Нандальнѣйшему потомству!

Что человѣка бытіе
Въ пустынѣ горестнаго свѣта?
Сверкнетъ кинжала лезвѣе,
Раздастся выстрѣлъ пистолета —

Его и нѣтъ!..... Пустая тварь,
Паритъ онъ мыслями высоко;
Всего земнаго тщетный царь,
Онъ гордо обращаетъ око!
Смирись, надменный человѣкъ!
Припомни жребій свой ничтожный!
Мгновенье — весь твой краткій вѣкъ,
А счастье — призракъ счастья ложный!
Сегодня ты приводишь въ страхъ,
А завтра самъ блѣднѣешь въ страхѣ!
Мелькнулъ меча одинъ размахъ —
И голова твоя во прахѣ!
Сегодня гордость на челѣ,
Среди толпы людей ты первый,
А завтра, тлѣющій въ землѣ,
Твой хладный трупъ снѣдаютъ черви!...

О, пистолетъ мой, пистолетъ!
Виси до времени въ покоѣ;
Но, если мнѣ, во мракѣ лѣтъ,
Грозитъ несчастье роковое,

И если слабый духъ шогда
Подавишъ шягосшное бремя —
Вошъ въ часъ шакой швоя чреда,
Тебѣ завѣщанное время. . . .

Константиногорскъ 1833.

МОЯ МОЛЬБА.

Мнѣ суждено таинственной судьбою
Свинцовый крестъ по терніямъ нести;
Но не паду предъ мощною съ мольбою
Безсильнаго отъ бремени спасти:
Молюсь о томъ, чтобъ ношею тяжелой
Обременивъ страдальческую плоть,
Меня крѣпилъ надеждою веселой —
Мнѣ силы далъ не пасть подъ ней Господь.

Москва 1836.

ЗАГАДКА.

Скажи, знакомъ-ли ты съ картиною прекрасной?
Дастъ и свѣтъ и тѣнь сама себѣ она;
Перемѣняется въ тревогѣ ежечасной,
Но все нова, свѣжа — все та-же и одна.
Пространство тѣсное въ себѣ ее вмѣщаетъ
И рамка малая живую обняла;
Но все великое, что духъ твой восхищаетъ
Твоимъ понятіямъ она передала.

Извѣстенъ-ли тебѣ кристаллъ красы чудесной,
Свѣтлѣй алмаза онъ, и нѣтъ ему цѣны;
Онъ блещетъ, но не жжетъ, и съ прелестью небесной
Земля и цѣлый міръ на немъ отражены!

Денница самая плѣнительно сверкаетъ
На зеркалахъ его трепещущимъ огнемъ;
Но то, что самъ собой кристаллъ тотъ выражаетъ
Прекраснѣе всего, что отразилось въ немъ.

Пятигорскъ 1835

ВЛЮБЛЕННЫЙ.

Вечеръ гаситъ небеса,
Солнце въ море гонитъ.
Благотворная роса
Слезы тихо ронитъ....
Отдѣлясь отъ круга дѣвъ,
Кто съ боязнью сладкой,
Въ сѣнь условленныхъ деревъ
Тамъ спѣшитъ украдкой?
У кого хрустятъ листы
Подъ пригожей ножкой?
Кто пришла, и на цвѣты
Сѣла надъ дорожкой?...

Въ прохладительной тѣни,
Дремлющей берёзы,
Ангелъ милый, отдохни,
Прильгаясь подъ розы!
Пусть шемнѣетъ все вокругъ,
Мракъ на холмы ляжетъ, —
И во тмѣ тебя, мой другъ,
Сердце мнѣ укажетъ!

Вотъ смеркнулось; мнѣ пора
Красться на свиданье;
Тамъ забуду до утра
Дневное страданье.
Я пойду; вспорхнувъ съ земли,
Легкая какъ птица,
Встрѣтишь ты меня вдали
Пташечка-дѣвица!
О, какъ сладокъ будетъ мигъ
Этой нѣжной встрѣчи!
Какъ плѣнителенъ языкъ
Восхищенной рѣчи!

Какъ тебя я обовью
Страстными руками!
Какъ уста мои солью
Съ алыми устами!

Не спѣши, луна, въ свой путь,
Кроткое свѣтило!
Дай мнѣ время отдохнуть
На груди у милой;
Дай мнѣ время позабыть
О прошедшей мукѣ —
Снова сердце укрѣпить
Къ завтрашней разлукѣ.

Гаспшн 1830.

ПЛАВАНІЕ.

По волѣ струй, безъ вёселъ и вѣтрила,
Вдоль озера несла меня ладья;
Но вотъ гроза далекая завыла —
И сердцемъ ей обрадовался я.

»Быть можетъ, здѣсь, въ волнахъ моя могила,
»Благой предѣлъ земнаго бытія....«
И въ этотъ мигъ челнокъ мой поглотила
Въ свирѣпый валъ раздутая струя.

Но не вдали отъ ужасовъ кончины,
Надеждою отъ ней ограждены,
Хвалишься мы безстрашіемъ должны:

Я позабылъ гоненія судьбины,
И жребій свой, молясь, благословилъ,
Когда съ трудомъ до берега доплылъ.

Москва 1835.

СТЕПЬ.

О, какъ вокругъ меня широко
Степная даль разостлалась!
О, какъ отрадно, какъ высоко
На волѣ грудь приподнялась!
Теперь ничто ея не давитъ,
Вкругъ ней пространству нѣтъ конца;
Теперь она въ восторгѣ славитъ
Природы дивнаго Творца....
Какъ предпочесть людей безлюдью,
Жилища душныя степямъ?
Я здѣсь дышу свободной грудью,
Со всѣхъ сторонъ тѣснимой нами;

Здѣсь только прихоть мой обычай
И только воля мой законъ;
Здѣсь рой безсмысленныхъ приличій
Уму и странен и смѣшонъ!

Обоянь. 1833.

ЧАДОУБІЙЦА.

(изъ Шиллера).

Глухо стонетъ голосъ колокольный,
Стрѣлка ходъ свершила роковой.
Волей неба конченъ путь мой дольный —
Къ мѣсту казни, спутники, за мной!
Свѣтъ прими мой даръ тебѣ кровавый,
Жизнь мою, прими, съ ея концемъ;
Сладки были мнѣ твои отравы,
Но и долгъ мой красенъ плащежемъ!

О, прости, радости земныя,
Замѣнилъ васъ гроба черный шлѣнъ!

О, прости́ше, нѣги молодыя
Невозвратныхъ счастія временъ.
Дочь небесъ—ихъ лучшій гость на свѣтѣ—
Другъ — мечта крылатая — прости!
Ахъ! она увяла въ первомъ цвѣтѣ,
Чтобы вѣчно снова не цвѣсти.

Изъ роскошныхъ алыхъ лентъ наколка
Украшала бѣлый мой покровъ;
Въ кудри мнѣ, густыя какъ изъ шёлка,
Заплетались первенцы садовъ.
О, судьба! на юной жертвѣ ада
И теперь покровъ, какъ снѣговой,
Но, увы! наколкою наряда,
Вмѣсто розъ, банть черный гробовой.

Плачьте, плачьте о моемъ паденьи
Вы, кѣмъ цвѣтъ невинности хранимъ,
Вы, чей духъ и въ пламенномъ волненьи
Для страстей ни въ чемъ непобѣдимъ.

Чувствовать умѣла грудь Наины,
Въ чувствахъ мнѣ и кара быть должна!
Ахъ! въ объятьяхъ хитраго мужчины
Честь моя была усыплена.

Можетъ быть, преступно торжествуя,
Для другой забылъ меня злодѣй,
И, когда къ могилѣ подхожу я —
Въ нѣгѣ шая, страстно шушпитъ съ ней.
Можетъ быть, съ горячихъ устъ дѣвицы
Испивать онъ станетъ поцѣлуй —
Въ мигъ, когда отъ топора убійцы
Брызнетъ токъ моихъ кровавыхъ струй.

Виктюръ! Виктюръ! пусть не сыщешь края,
Гдѣ-бъ мой вопль тебя не провожалъ —
Гдѣ-бъ стонъ мѣди, въ слухъ твой ударяя,
Похоронъ моихъ не поминалъ!
А когда, склоненъ къ щекѣ румяной,
Будешь ты пить сладости любви —

О! тогда укоровъ адской раной
Самъ свое ты счастье умертви!

Злой измѣнникъ! ни боязнь прокляшій,
Ни мой плачъ, ни муки, ни мольбы!
Ни начатье бѣднаго дитяти,
Ни позоръ готовой намъ судьбы!
Нѣтъ! ни чѣмъ не удержали бѣга;
Тщетно я рвалась вѣтрилами въ слѣдъ:
Далеко, красамъ чужаго брега,
Онъ твердитъ коварный свой обѣтъ!

Вотъ дитя, въ счастливѣйшемъ покоѣ,
У меня лежало на рукахъ;
Чистъ, какъ роза въ утро золотое,
Былъ привѣтъ во всѣхъ его чертахъ.
Ангельски, но съ ядомъ угрызенья
Мать плѣнялъ младенца кроткій ликъ,
И съ любовью пламень изступленья
Въ грудь, печалью сжатую, проникъ.

Гдѣ отецъ мой? молча лепеталъ мнѣ
Дѣтскихъ взоровъ громовой упрёкъ;
Гдѣ супругъ твой? страшно повторялъ мнѣ
Въ грѣшномъ сердцѣ каждый уголокъ.
Ахъ, вотще искать его ты станешь,
Сирота съ рожденья своего;
Проклянувъ, союзъ нашъ ты помянешь,
Незаконнымъ прозванъ за него.

Мать тебѣ — я, жертвою порока,
Жизнь влачу забыта и одна;
Жажду вѣчно радостей потока —
Но стезя тобой заграждена.
О, дитя! звукъ устъ твоихъ прекрасныхъ
Будитъ съ болью чувства лучшихъ дней,
Прямо въ грудь мнѣ тучи стрѣлъ ужасныхъ
Изъ улыбки ангельскихъ очей.

Адъ вездѣ, гдѣ отъ тебя я розно!
Адъ вездѣ, гдѣ вмѣстѣ я съ тобой!

Поцѣлуй твой — огнь отравы грозной,
Съ устъ отца столь жадно питый мной....
Снова клятвы слышны, какъ изъ гроба,
Ихъ внимать мнѣ вѣчно суждено;
Вѣчно! — тутъ мой умъ затмила злоба,
И, въ пылу — убійство свершено.

Викторъ! Викторъ! всюду въ дольной жизни
Призракъ пусть преслѣдуетъ тебя,
Льдомъ объятій, громомъ укоризны
Всюду миръ души твоей губя;
Въ блескѣ звѣздъ, въ ихъ трепетномъ мерцаньи
Находи младенца мертвый взглядъ;
Пусть тебя въ кровавомъ одѣяньи
Онъ отъ рая оттолкнетъ назадъ.

Вотъ, дитя бездушное лежало,
Взоромъ я на трупѣ замерла,
И съ потокомъ дѣтской крови алой,
Мнѣ казалось, жизнь моя текла.

Страшно въ дверь стучится вѣстникъ казни,
Но въ груди страшнѣе сердца стукъ!
Въ холодъ гроба рвусь я безъ боязни —
Тамъ угаснетъ пламенный недугъ.

Викторъ! Богъ на небесахъ прощаетъ,
Здѣсь прощенье, грѣшница, я дамъ.
Пусть огонь земной раздоръ кончаетъ,
Пробивайся, пламень, по дровамъ!
О, блаженство! письма перешлѣли,
Клятвы въ пепелъ жаръ преобратилъ,
Поцѣлуи съ дымомъ улетѣли —
Все прошло, чѣмъ свѣтъ былъ прежде милъ.

Не ввѣряйтесь, ни мужчинъ обѣту,
Ни любви мечтательному сну;
Жертва ихъ, клонясь на плаху эту,
Сестры! здѣсь я снова ихъ кляну.

Слезы! ахъ, въ глазахъ убійцы слезы!
Гдѣ повязка? страшенъ этотъ плачъ!
Что-жь? ужель ты не подкосишь розы?
Не дрожи! смѣлѣй рази, палачъ!

С. Петербургъ 1832.

ЭЛЕГІЯ.

Прекрасныя ночи, безсонныя ночи,
Подъ сводомъ ошкрышыхъ небесъ,
Когда услаждали мнѣ сердце и очи
Волшебные призраки грезъ!
Куда вы сокрылись, куда улетѣли?
Зачѣмъ унесли вы съ собой
Источникъ восторговъ и чистыхъ веселій
И радость любви молодой?
И нынѣ, порою, мнѣ также не спится
Въ безмолвной полуночной имѣ,
Но сладостныхъ грезъ на яву не приснится —
Все грусть и тоска на умѣ.
Отъ смѣлой надежды, отъ свѣтлыхъ мечтаній,
Носившихъ въ небесную даль,

Остался только припадки страданій
Да тяжкая сердца печаль....

Такъ свѣтитъ огонь благотворно и ярко
На сонный ночной бивуакъ,
Доколѣ оставитъ отъ ѣдкости жаркой
Лишь уголь холодный да мракъ.

Москва 1855.

КРАСАВИЦА.

Я видѣлъ, красавица, плакала ты,
Томима сердечной тоскою,
И очи блистали въ слезахъ, какъ цвѣты
На солнцѣ блистаютъ росою.
Я видѣлъ, о дѣва! улыбку твою —
Эмблему душевнаго мира,
И взоръ твой былъ ясенъ, какъ въ горнемъ краю
Разливъ голубаго эфира.

Какъ тучи пріемлютъ пурпуровый цвѣтъ
Отъ солнца, въ часъ тихій заката,

И ночь неохотно шемнитъ этотъ слѣдъ
Живаго багрянца и злата —
Такъ свѣтлой, небесной улыбкой своей
Ты скорбнымъ даришь утѣшенье,
Такъ въ грудь ихъ отъ блеска прекрасныхъ очей
Нисходитъ печалей забвенье.

Верея 1833.

ЧИТАТЕЛЬНИЦѢ.

Ваши-ль миленькіе глазки
Надъ листкомъ стиховъ моихъ?—
Признакъ скуки или ласки
Выражается на нихъ?
О, когда-бы въ вашихъ взорахъ
Одобренья лучь блеснулъ—
О мужскихъ сухихъ укорахъ
И рукой-бы я махнулъ!

С. Петербургъ 1832.

НОЧЬ МЕЖДУ ДВУМЯ СРАЖЕНІЯМИ.

Погаснулъ грозный день, утихнулъ въ полѣ драки
Орудій гнѣвный гулъ,
И тамъ, гдѣ кровь лилась, разложены биваки—
И храбрый полкъ уснулъ.

Какъ миренъ этотъ сонъ! усталый послѣ боя,
Какъ сладко спитъ солдатъ!
И долго спалъ-бы онъ,—но чутокъ слухъ героя,
Лишь трубы зазвучатъ!

А трубы позовутъ съ разсвѣтомъ вновь на битву,
На встрѣчу ко врагамъ,

И, можетъ быть, теперь послѣднюю молитву
Вознесъ я къ небесамъ.

Пускай, друзья, паду! отрадна мнѣ кончина —
Я недругъ бытію!
Лишь одного молю, чтобъ не было помина
Нигдѣ про жизнь мою.

Москва. 1835.

СОВѢСТЬ.

Тиха и спокойна, гдѣ сердце безъ пятенъ
И теплою Вѣрой согрѣта душа —
Стенаетъ въ укорахъ тревожная совѣсть,
Гдѣ истины путь на мгновенье забытъ.
Но тамъ, гдѣ пороки глубокіе корни
Пустили на дно развращенной груди,
Гдѣ зло, разросшись, извело добродѣтель
И дерзко отвержены Вѣра и Богъ,
Тамъ совѣсть молчитъ, тамъ она зашихаетъ,
Но помни, злодѣй! не угасла въ ней жизнь!
Она притаилась, она выжидаетъ,
Съ готовою казнью, своей череды.
Пируй, наслаждайся, злодѣйствуй, несчастный,
Пей ближняго кровь на своемъ празднествѣ!

Но знай, но смотри, ты слабѣешь, дряхлѣешь,
Ты съ каждой зарею все ближе къ концу.
И скоро, сраженный кончинным недугомъ,
Ты ляжешь, быть можетъ, на смертный свой одръ,
И совѣсть, по мѣрѣ, какъ станешь ты гаснуть,
Начнетъ постепенно въ тебѣ пламенѣть!
А въ страшную ночь ту, когда къ почивальнѣ
Прокрадется тихо нежданная смерть —
Въ ту страшную ночь, трепещи кровопійца!
Сожжетъ, въ отомщеніе, совѣсть тебя.
Къ груди, истощенной недугомъ и страхомъ,
Припустятъ она кровожаждущихъ змѣй,
И будутъ тѣ змѣи, шипя и свиваясь
И вновь развиваясь, пить грѣшную кровь!
На мѣсто-же крови онѣ преисполнятъ
Сжигающимъ ядомъ все сердце твое,
И онъ побѣжитъ по трепещущимъ жиламъ,
Неся повсемѣстно свой пагубный жаръ.
Твой мозгъ, пересохнувшій въ замыслахъ черныхъ,

Вдругъ вспыхнетъ отчаянья грознымъ огнемъ,
И, ставъ у возглавія, Фуріи будутъ
Терзать, какъ гіены, преступную плоть.
Въ страданьяхъ такихъ при пенсіновой пля-
скѣ,
Тобою лишь зримыхъ, нечистыхъ духовъ,
При хохотѣ смерти, при демонскихъ плескахъ,
Тобою лишь внемлемыхъ, ты отойдешь. . . . .
А тамъ, за могилою, страшно помыслить!
Тебѣ приготовлена вѣчная жизнь,
Чтобъ совѣсть могла временные пороки
Мученіемъ вѣчнымъ тебѣ отомщать!....

С. Петербургъ 1833.

ВѢРА.

Счастливы тѣ, которымъ съ юныхъ лѣтъ
Проникъ въ сердца лучъ Вѣры благодатный
И, превратясь въ свѣтильникъ необъятный,
На тму разлилъ свой миротворный свѣтъ.

Для нихъ сноснѣй годины тяжкихъ бѣдъ,
Веселья дни имъ болѣе пріятны;
Въ земной стезѣ на путь по ней превратный
Добро и миръ ложатся имъ во слѣдъ.

Зачѣмъ-же ты, безбожникъ дерзновенной,
Съ запретныхъ тайнъ религіи священной
Желаешь снять спасительный покровъ? —

Благоговѣй передъ ея символомъ,
И не мечтай безумнымъ произволомъ
Достичь ко дну святыхъ ея основъ.

Всесвятское 1835.

НАРВСКІЙ ВОДОПАДЪ.

Слышенъ гулъ глухаго рева ,
Гнѣвно плещутся валы:
Это грозно со скалы
Низвергается Нарева.
Тяжко стонетъ водопадъ
И грохочетъ и клокочетъ
И бунтуетъ, словно хочетъ
На скалу взбѣжать назадъ. . . . .

Видѣнъ пѣнный токъ изъ зѣва
Раздвоенной крутизны :
Это съ каменной стѣны
Низвергается Нарева.

Щедро сыплетъ водопадъ
Крупный жемчугъ и алмазы,
И цвѣтные стелетъ газы —
Ткань водяную Наядъ.
Вкругъ него всегда прохладно,
Мелкій дождь надъ нимъ стоитъ,
Онъ брега свои нарядно
Влагой бисерной кропитъ!
Ихъ засуха не пугаетъ,
Пусть пылаютъ небеса —
Ихъ живитъ и освѣжаетъ
Непрестанная роса!

Я любилъ порою знойной,
Посѣщать тотъ водопадъ,
Чтобы нѣжиться покойно
Посреди его прохладъ, —
Чтобъ внимать стремленья реву
И клокочущимъ волнамъ,
Чтобы видѣть по скаламъ
Проходящую Нареву.

С. Петербургъ 1833.

ОТСУТСТВІЕ ВДОХНОВЕНІЯ.

Сижу съ перомъ я часъ
Въ туманномъ размышленьѣ;
Хотя-бы для проказъ
Мелькнуло вдохновенье!
Не тутъ-то! какъ на зло,
Мечта въ чернилахъ вязнетъ,
И просто, на-бѣло
Меня злой демонъ дразнитъ.
Что дѣлать? перестать —
Обидно и досадно;
Съ упорствомъ продолжать —
Все глупо и нескладно! . . .
Плохое ремесло
Поэтовъ по наказу,

Добра не принесло
И мнѣ оно ни разу:
Не получилъ похвалъ
Ни за одну я пьесу,
Съ которой прибѣгалъ
Не во́время къ Зевесу.

Москва 1836.

МАДАРДСКІЙ ГРОТЪ.

Есть при Мадардѣ чудный гротъ;
Надъ нимъ нерукотворный сводъ,
Страша паденьемъ темный низъ,
Челомъ возвышеннымъ нависъ.
Крутая, дикая скала,
Тотъ гротъ обрушась родила,
И, межъ утесовъ и стремнинъ,
Ея величественный сынъ,
Стоитъ онъ выше облаковъ,
Не чуя шествія вѣковъ.
У мшистыхъ исполина пятъ
Ручьи алмазные кипятъ
И, какъ стальные пояса,
Объемля горные лѣса,

Бѣгутъ съ пустынной высоты
Лобзать долинные цвѣты.
А на челѣ его сѣдомъ,
Непроницаемымъ вѣнкомъ,
Лежатъ отъ вѣка мохъ и дернъ
И плотно сросся колкій тернъ.
Утроба мрачная хладна,
Могучи грота рамена
И, свѣжей зеленью цвѣтущъ,
Ихъ облекаетъ влажный плющъ.

О, сколько разъ я въ гротѣ былъ
И сколько разъ Творца молилъ,
Чтобы висящая скала
Меня, обрушась, погребла!
Не вѣчный ропотъ на судьбу
Внушалъ мнѣ грѣшную мольбу;
Но мнѣ хотѣлось похоронъ,
Гдѣ-бъ томный вой колоколовъ
Былъ трескомъ камней замѣненъ
И грознымъ грохотомъ громовъ!

И гдѣ-бъ не люди погребли
Мой хладный трупъ съ пошокомъ слезъ —
Гдѣ-бъ съ потрясеніемъ земли
Похоронилъ меня утесъ!

С. Петербургъ. 1833.

ИЗМѢННИЦѢ.

Я не хочу заслуженнымъ упрёкомъ
Тревожить миръ души твоей пустой,
И, обольщенъ коварной красотой,
Снесу обманъ въ страданьи одинокомъ.

Но я вполнѣ воспользуюсь урокомъ,
Такъ ласково преподаннымъ тобой,
Изъ дѣвъ и женъ не вѣрить ни одной,
Смотря на нихъ взыскательнѣйшимъ окомъ.

Пускай онѣ приличіе храня,
Посердятся украдкой на меня,
Иль, не стыдясь поносятъ, какъ угодно, —

Мнѣ все равно, когда-бъ я только могъ
Прожить свой вѣкъ безъ бѣшеныхъ тревогъ,
Безъ глупыхъ мукъ, спокойно и свободно.

Москва 1835.

ДѢВОЧКѢ.

Ей только два иль, много, три
Во снѣ промчавшіеся года;
А какъ прекрасна, посмотри!
Къ чему ей знатная порода? —
Очаровательный цвѣшокъ,
Она лицемъ ее замѣнитъ;
Нашъ полъ характеромъ легокъ —
И красоту безумно цѣнитъ.

Но какъ узнать, чѣмъ будешь ты,
Шипокъ и юный и прелестный?

Быть можетъ, въ цвѣтѣ красоты —
Тебя сорветъ бѣднякъ безмѣстный,
И, въ сочетаніи судьбинъ,
Въ глуши безвѣстности убогой,
До лѣтъ преклонныхъ и сѣдинъ
Пойдете вы одной дорогой.

А можетъ быть, вѣдь чортъ лукавъ,
И чѣмъ порою онъ не шутитъ!
При красотѣ твой милый нравъ
Иного Князя умъ помутитъ,
И, очарованный тобой,
Онъ поведетъ тебя на ложе,
И будешь свѣтлой ты женой
Титуломъ свѣтлому вельможѣ.

Но, другъ мой, нѣтъ еще вреда
Въ сіяньи свѣтлости пріимной,
И даже бѣдность не бѣда —
Находятъ рай и въ кущѣ дымной;

Но плачь, когда тебѣ сужденъ
Удѣлъ не скромный и не знатной —
Когда твой цвѣтъ опредѣленъ
На праздникъ юности развратной.

С. Петербургъ 1832.

ОТРОКЪ У РУЧЬЯ.

У ручья, цвѣты сплетая,
Отрокъ вилъ себѣ вѣнокъ;
Вдругъ увидѣлъ, рѣзвымъ бѣгомъ
Ихъ помчалъ въ волнахъ пошокъ.
Такъ-же быстро дни проходятъ,
Какъ стремятся ручейки;
Такъ-же скоро вянетъ юность,
Какъ душистые вѣнки.

Не смущайте любопытствомъ
Тихой сердца глубины!
Все съ надеждою встрѣчаетъ
Обновленіе весны;

Но природы пробужденной
Ликованіе и шумъ
Будятъ скорбь въ груди стѣсненной,
Рушатъ сонъ печальныхъ думъ.

Что мнѣ въ радостяхъ весеннихъ? —
Недоступна имъ тоска!
Та, которая нужна мнѣ,
Здѣсь — и вѣчно далека.
Страстный, жаркія объятья
Простираю я за ней;
Не могу достичь, и сердцу
Только прежняго грустнѣй!

О, сойди ко мнѣ, мой ангелъ,
И покинь ты свой чертогъ!
Сынъ весны перворожденный
Здѣсь готовъ тебѣ цвѣтокъ;

Въ рощахъ пѣнье, ключъ нагорный
Шумно льется съ высоты!
И вездѣ довольно мѣста
Для любящейся четы.

Гаспшти 1830.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Когда я гдѣ-н какъ-нибудь
Окончу скучный жизни путь —
Прошу отъ слезъ меня избавить;
Надъ прахомъ мрамора не ставить;
Въ день похоронъ моихъ костей
Не созывать толпы гостей;
Не дѣлать траурныхъ билетовъ
И въ крепъ не путать рукавовъ;
Не подстрекать пустыхъ поэтовъ —
Не нужно мертвому стиховъ!
По малодушію мірскому,
Не тратить денегъ попустому
На мелочи, на разный вздоръ,
Чтобъ дать блистательный уборъ

Смутительному виду гроба:
Напрасный трудъ! вѣдь этотъ видъ
И въ блескѣ мрачность сохранитъ;
А между тѣмъ, земли утроба
Парчу безъ всякой пользы съѣстъ.
Къ чему излишнія растраты?
Мнѣ просто сдѣлать гробъ досчатый,
Зарыть его, поставить крестъ, —
Но не марать о лѣтахъ сказкой,
А написать на немъ, мнѣ въ честь,
Потолще, масляною краской:
Достоинъ быть онъ — тѣмъ, что есть.

С. Петербургъ 1832.

ТОСКА.

О, какъ все грустно и печально
Въ несносныхъ этихъ городахъ;
Ахъ, то-ли дѣло въ рощѣ дальной
И на поляхъ и на лугахъ!
Когда-же выберусь я въ поле,
На шравку мягкую, на лугъ,
Чтобъ изцѣлился тамъ на волѣ
Мой утомительный недугъ?...

Напрасно жажду я свободы
И независимость люблю! —

Идутъ медлительные годы,
А я все мучусь да терплю. —
Меня томятъ вериги свѣта,
Онѣ до сердца грудь прожгли,
И упованія поэта
До основанья взвели.

Пятигорскъ 1833.

АННЕТА.

Бѣлъ въ полѣ, зимою навѣянный снѣгъ,
Бѣлъ моря воспитанникъ лебедь пушистый,
Бѣлъ свѣжій, цвѣтущій нарциссъ;
Но лебедя, снѣга и нѣжныхъ нарциссовъ
Бѣлѣй несравненно Аннеты прекрасной
Ланиты и грудь.

Румяны созрѣлые лѣтомъ плоды,
Румяна весною Альпійская роза,
Румяна въ часъ тихій заря;
Но цвѣта плодовъ и Авроры и розы
Нѣжнѣй несравненно Аннеты прекрасной
Румянецъ живой.

Блистательны воды, бѣгущія съ горъ,
Блистательны звѣзды въ пространствахъ эфира,
Блистателенъ чистый алмазъ;
Но звѣздъ, брилліантовъ и горныхъ потоковъ
Свѣтлѣй несравненно Аннеты прекрасной
Плѣнительный взоръ.

Пріятно журчанье игривыхъ ручьевъ,
Пріятенъ съ листочками шепотъ зефира,
Пріятенъ напѣвъ соловья;
Но что этотъ шепотъ, напѣвъ и журчанье,
Когда раздается Аннеты прекрасной
Волшебная рѣчь!

Я вѣрю, что сладокъ Восточный шербетъ,
Я знаю, что сладки душистые соты
И спѣлый златой ананасъ;
Но прочь! ананасы, шербеты и соты —
Ахъ, дайте мнѣ, дайте Аннеты прекрасной
Одинъ поцѣлуй!

Тотъ счастливъ, кто въ жизни доволенъ судьбой,
Кто право имѣетъ на славу въ потомствѣ,
Чья воля законъ для другихъ;
Но тотъ несравненно счастливѣй всѣхъ смертныхъ,
Кто дышитъ любовью къ Аннетѣ прекрасной—
И ею любимъ!

Мирополье 1827.

СОВѢТЪ ЮНОШАМЪ.

О, юноши! кому еще безвѣстенъ
Страстей людскихъ свирѣпый океанъ,
Кто сердцемъ чистъ и беззаботно честенъ,
Тотъ берегись — готовъ ему обманъ.

Взоръ юныхъ дѣвъ и свѣтелъ и прелестенъ,
Плѣняютъ насъ ихъ рѣчь и легкій станъ;
Но страсти къ нимъ всегда почти совмѣстенъ
Ядъ лютыхъ мукъ и тяжкихъ сердца ранъ.

И такъ, когда съ чарующимъ привѣтомъ,
Въ сомнительной со скромностью борьбѣ
Шепнетъ: люблю, красавица тебѣ —

Помедли, другъ, восторженнымъ обѣтомъ,
Внимательно ей въ очи посмотри,
И мой сонетъ украдкой повтори.

Москва 1835.

МАЛЬЧИКУ.

Что за мальчикъ! право, чудо!
Какъ пригожъ, остеръ и милъ!
Если-бъ знать, добро иль худо
Въ жизни Богъ тебѣ судилъ —
Сталъ-бы я молиться Богу,
Чтобы Онъ продлилъ твой вѣкъ,
Иль начатую дорогу
Поскорѣй-бы пересѣкъ.

Но увы! въ земной юдоли
На грядущемъ пелена,
И превратность нашей доли
Намъ загадочно темна.

Слабъ нашъ умъ и слабы вѣжды
Проницать во тму судьбы;
Осшаются намъ надежды,
Да терпѣнье и мольбы!

Жизнь шечетъ, своей волною
Быстро въ вѣчносшь дни катя;
Помолися-же со мною,
Беззаботное дишя,
Чтобы въ морѣ искушенья,
Ввѣренъ прихоши вѣтрилъ,
На подводные каменья
Твой корабль не находилъ.

Чтобъ тебя, во мракѣ рока,
Злобы свѣта ярый валъ
Къ мысу чернаго порока
На погибель не примчалъ;
И опасный какъ стремнины,
Какъ сердитый ураганъ,

Не завлекъ тебя въ пучины
Соблазнительный обманъ.

Пусть надъ бездною широкой
Будетъ радостенъ твой ходъ,
И останется далёко
Люпыхъ золъ водоворотъ; —
Пусть покойной чередою
Въ мірѣ мчатся дни твои,
Озаренные звѣздою
Чистой Вѣры и любви.

С. Петербургъ. 1832.

ПОСЛѢДНЯЯ РАДОСТЬ.

Берегъ! берегъ! слава Богу!
Какъ легко вздохнула грудь!
По-тихоньку, по-немногу
Я кончаю жизни путь.

Сладко мнѣ съ предѣловъ свѣта
Бросить взоръ на грѣшный свѣтъ,
И сойдти съ тебя, планета
Рѣдкихъ благъ и частыхъ бѣдъ.

Кто шутъ счастьемъ и свободой
Обладалъ всегда равно? —

Развѣ тотъ, кому природой
Чувствъ высокихъ не дано.

Развѣ тотъ не зналъ страданій
Въ заточеніи земномъ,
У кого вѣнецъ желаній —
Жить, не мысля ни о чемъ!

Берегъ! берегъ! слава Богу!
Какъ легко вздохнула грудь!
По-тихоньку, по-немногу
Я кончаю трудный путь.

Но, забывъ тревоги жизни,
При концѣ ея пути,
Подавлю я укоризны
И скажу одно — прости!

Москва 1836

ПРЕКРАСНОЙ.

Не потупляй своихъ очей,
Звѣздоподобная дѣвица!
Соперникъ солнечныхъ лучей
Твой взоръ намъ новая денница!
Когда зимы суровый хладъ
Въ природѣ все оледеняетъ,
Намъ этотъ ясный, чудный взглядъ
Златое солнце замѣняетъ.
Онъ издаетъ волшебный свѣтъ
Въ нѣмую ночь во мракѣ черномъ,
Имъ кругъ друзей твоихъ согрѣтъ
На нашемъ Сѣверѣ упорномъ;
При вдохновительномъ сноснѣй
Существованье въ мірѣ наше,

И легче скорби грустныхъ дней,
И радости веселыхъ краше....

Смотри, красавица, смотри!
Да не мрачится взоръ твой полной
Отъ ранней утренней зари
И до полуночи безмолвной!
Чтобы вокругъ тебя всегда
Счастливцы жизнь благословляли,
А съ кѣмъ сродилася бѣда,
О ней надолго забывали.

С. Петербургъ 1832

МОИ ПРОГУЛКИ.

Широка, глубока, протекаетъ рѣка,
Сѣдогривыя мечутся волны;
Облака свысока, разносимы слегка,
Въ нихъ глядятся угрюмо-безмолвны.

Ночь накрыла грудь земли
Ризой похоронной,
Чтобъ готовые вдали
Громъ и буря не могли
Потревожить сонной.

Такъ! тихо все вокругъ; тревожный міръ уснулъ
Дневной заботой утомленной,

Лишь тамъ, въ пустынѣ отдаленной,
Грозы идущей слышенъ гулъ.

Я люблю порою этой,
Въ легкомъ челнокѣ,
Отъ заката до разсвѣта,
Кататься по рѣкѣ.
Надъ пучиною кипучей
Сердцу такъ легко!
Мысли молніей летучей
Гуляютъ широко.
То надъ сумрачною бездной,
Носятся онѣ,
То въ безбрежности надзвѣздной
Роятся въ вышинѣ.

Мнѣ кажется, будто со всею вселенной
Я чудно сливаюсь душой,
Незапно небеснымъ огнемъ оживленной,
Могучѣетъ слабый духъ мой!
Съ нимъ все говоритъ величаво, но внятно
Какимъ-то святымъ языкомъ —

И ропотъ печальный волны перекатной
И глухо рокочущій громъ.
Въ боренiи грозномъ стихій разнородныхъ
И въ знаменьяхъ свѣта и тмы
Я вижу рѣшенье догадокъ безплодныхъ,
Въ которыхъ теряемся мы;
Они мнѣ гласятъ вдохновеннымъ глаголомъ:
Ты тлѣненъ и слабъ, человѣкъ!
Куда-же съ безумнымъ своимъ произволомъ
Стремишь ты свой умственный бѣгъ?
Зачѣмъ ты замыслилъ шагнуть дерзновенно
Чрезъ вѣчно-запретный порогъ? —
За нимъ на пространствѣ безбрежной вселенной
Повсюду великій твой Богъ!...

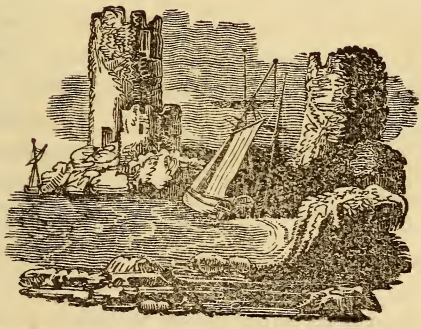
Внявъ гласу этому, съ сердечнымъ содроганьемъ
Печально я смотрю на мрачный токъ временъ,

И ужасаюся безмѣрнымъ разстояньемъ,
Какимъ раздѣлены безсмертіе и тлѣнъ.
Мечты становятся угрюмы,
И не мечты — нѣтъ, тягостныя думы
Мнѣ камнемъ залегаютъ въ умъ;
Ни стонъ воды, ни вѣтра дальный шумъ,
Ничто не услаждаетъ слуха:
Всѣмъ тѣломъ я на мигъ исчезъ въ волненьи духа.....
Но громъ прошелъ по небесамъ —
Но буря вдругъ сердитто заревѣла
И думы оглуша, вновь жизнь дала мечтамъ;
Безпечныя онѣ умчались къ высотамъ,
И нѣтъ полету ихъ предѣла!.....

Но вотъ, рѣдѣетъ ночи тѣнь
Надъ спящею землею,
И онь восходитъ — бѣлый день —
Съ обычной суетою.
Постой, тревожный, погоди!
Я приучилъ себя къ безлюдью,

Я обнялъ міръ и небо грудью —
Не отнимай-же ты ихъ снова у груди!
Нѣтъ! вижу я его мерцанье,
Алѣетъ пурпуромъ востокъ;
Пора окончить мнѣ гулянье,
Пора причалить свой челнокъ.

Москва 1836.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

1. Вмѣсто предисловія. ..... V.
2. Пробужденіе Музы..... 1.
3. Кудри..... 3.
4. Горская пѣсня (изъ Шиллера)..... 5.
5. Видъ съ Александровской колонны..... 8.
6. Совѣтъ..... 10.
7. Мнимительной красавицѣ..... 13.
8. Ожиданіе (подражаніе Шиллеру)..... 15.
9. Богъ..... 19.
10. Эльборусъ..... 20.
11. Адель..... 21.
12. Притча Конфуція (подражаніе Шиллеру)..... 25.
13. Жизнь..... 27.
14. Степь..... 29.
15. Дружба..... 31.
16. Воспоминаніе о Черномъ морѣ..... 34.
17. Мадардскіе орлы..... 36.
18. Видѣніе..... 42.
19. Загадка (изъ Шиллера)..... 43.

стр.
20. Мое серебряное кольцо..... 44.
21. Желаніе..... 56.
22. Самозабвеніе..... 58.
23. Казаку..... 60.
24. Двѣ розы..... 61.
25. Бабочка (изъ Ламаршина)..... 63.
26. Любовь..... 64.
27. Видъ Казбека въ полдень..... 66.
28. Сердце..... 69.
29. Машенькѣ У — й..... 71.
30. Свобода..... 72.
31. Б — ву..... 74.
32. Разставаніе солнца съ Эльборусомъ..... 77.
33. Въ Альбомъ..... 81.
34. Загадка (изъ Шиллера)..... 83.
35. Жизнь..... 84.
36. Розенькѣ К — ъ..... 85.
37. Фланкерская перестрѣлка..... 87.
38. Прощаніе съ Петербургомъ..... 93.
39. Тише ѣдешь, дальше будешь..... 95.
40. Переѣздъ къ Твери..... 98.
41. Утро..... 100.
42. Москва..... 102.
43. Соловей..... 104.
44. Вдохновеніе не въ пору..... 106.
45. Обоянскіе соловьи..... 108.
46. Полдень..... 110.
47. Жаворонку..... 112.
48. Ночь..... 113.
49. Свѣтланѣ..... 114.
50. Калмычка..... 116.

стр.

51. Пегасъ въ ярмѣ (изъ Шиллера)..... 118.
52. — ѣ — ѣ — й..... 126.
53. Геній..... 128.
54. Д — й..... 130.
55. Облакамъ..... 132.
56. Кашенькѣ К — ..... 134.
57. Цыганская пѣсня..... 135.
58. Гражданство Генія..... 138.
59. Могилѣ Писаревскаго..... 139.
60. Разлука..... 143.
61. Ночь на берегу Чернаго моря..... 146.
62. Жизнь..... 148.
63. Романсъ..... 150.
64. Корова..... 152.
65. Ш — й..... 155.
66. Воспоминаніе на полѣ Кулевчинскаго сраженія..... 157.
67. Бюсту Пушкина..... 161.
68. Призывъ..... 165.
69. Душа..... 167.
70. Мои полуночныя мысли..... 168.
71. Смерть..... 171.
72. Отвѣтъ эха..... 172.
73. Надежда (изъ Шиллера)..... 173.
74. Б — у..... 175.
75. Вѣра (изъ Ламартина)..... 177.
76. Загадка (изъ Шиллера)..... 189.
77. Два поэта..... 191.
78. Застольная пѣсня (изъ Лорда Байрона)..... 193.
79. Раздѣлъ земли (изъ Шиллера)..... 193.
80. Слава..... 199.

стр.
81. Пистолетъ..... 201.
82. Загадка (изъ Шиллера)..... 205.
83. Влюбленный..... 207.
84. Плаваніе..... 210.
85. Степь..... 212.
86. Чадоубійца (изъ Шиллера)..... 214.
87. Элегія..... 222.
88. Красавица (изъ Лорда Байрона)..... 224.
89. Чистительницѣ..... 226.
90. Ночь между двумя сраженіями..... 227.
91. Совѣсть..... 229.
92. Вѣра..... 232.
93. Нарвскій водопадъ..... 234.
94. Отсутствіе вдохновенія..... 236.
95. Мадардскій гротъ..... 238.
96. Измѣнницѣ..... 241.
97. Дѣвочкѣ..... 243.
98. Отрокъ у ручья (изъ Шиллера)..... 246.
99. Завѣщаніе..... 249.
100. Тоска..... 251.
101. Аннета..... 253.
102. Совѣтъ юношамъ..... 256.
103. Мальчику..... 258.
104. Послѣдняя радость..... 261.
105. Прекрасной..... 263.
106. Мои прогулки..... 265.

ПОГРѢШНОСТИ:

НАПЕЧАТАНО:		ДОЛЖНО БЫТЬ:
стр.	стих.	
5	5 И, если нехочешь	И, если не хочешь
42	8 «Огнемъ стыда не разгоришся!	«Огнемъ стыда не разгоришся!»
162	12 Всѣ грозныя въ немъ ихъ баштареи,	Всѣ грозныя въ немъ баштареи,
173	11 Окончая свой трудный,	Кончая свой трудный,

Въ оглавленіи пропущена піеса: Моя мольба.

Умиленiемъ чистымъ и мольбою
Твое щедро подаетъ.

-16

LIBRARY OF CONGRESS
0 027 249 312 1